

За твоей тенью

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Лина Линс

18+

Лина Линс

За твоей тенью

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70605607
SelfPub; 2024*

Аннотация

Незадолго до Нового года единственный друг прощается с Тори по смс и исчезает без объяснений. Из-за этого всплывают её жуткие воспоминания и страхи. Всё, что было заперто и забыто, вновь выползает на волю и душит. В довесок отношения с матерью с каждым годом становятся хуже – повторяются события прошлого. Примет ли Тори правду, которую скрывает друг? Сможет ли помириться с мамой? Рискнёт ли побороть свои переживания или... Захочет от всего отвернуться?

Содержание

Глава 1. Точка возврата	4
Глава 2. Скверна	19
Глава 3. Салатовое солнце	43
Глава 4. Из живых восставшая	66
Глава 5. Кошмарье	87

Лина Линс

За твоей тенью

Глава 1. Точка возврата

31 декабря, за 10 часов до...

Автобус трогается, забрав пассажиров с площади Мира, и набирает скорость, как мой встроенный моторчик паники. Людей так много, что нечем дышать. Сидя на крайнем от выхода месте, я свожу колени, терблЮ ручки подарочного пакета, прячу взгляд и пытаюсь считать до десяти. Но внутренний голос вяжется узлами вокруг мыслей, причиняющих боль.

«Тори, я устал притворяться, – цитирует он последнее сообщение от Марка, полученное за неделю до Нового года. – Аренда действует до десятого января, дальше придётся платить самой или вернуться к матери. Выброси меня из головы и прости».

Это сухое проклятие, а не смс. Ожог глаз, похороны заживо! Я не в силах выполнить его просьбы. Ни одну из запрошенных. Он вытащил меня из ямы, где кисло пахло страхами и алкоголем, – но вдруг исчез без объяснения причин и

не выходит на связь. Нет. Я не верю, что Марк способен на подлость.

Нет! Не проси вычеркнуть тебя из жизни. Не требуй за-
предельного...

– Верните деньги за проезд! – Вопль бабушки в шубке вы-
швыривает меня в реальность и окатывает холодом, как во-
дой из проруби. – Кто украл сорок рублей? Юноша, вы? Вам
последнему передали деньги. Не стыдно воровать у пенсио-
нерки? Верните!

Одной рукой держась за поручень, второй прижимая к го-
лове свой котелок из драпа, словно боясь, что и тот отберут,
бабушка точит взглядом паренька в больших наушниках. Он
жмётся у входа, приподнимает одно ухо и громко отвечает:

– Я просто стою рядом, ничего не брал!

– Ещё и обманываете старших! – Начинается суд.

С обеих концов салона к спору подключаются другие пас-
сажиры. Кто-то причитает на бабуку, кто-то на паренька. Де-
ти, присутствующие с родителями, подхватывают недоволь-
ство взрослых и невпопад выкрикивают что-то своё. Пьяная
пара молодых людей, сидящая через два места от меня, хо-
хочет и матерится, неразборчиво комментирует происходя-
щее. Яркий запах перегара щиплет мне нос и обжигает ды-
хание.

Нет, только не это...

Паника подступает к горлу. Раскручивается, как лопасти
взлетающего вертолёта. Душит без рук, коротким замыкани-

ем вырубает самообладание. Я снимаю запотевшие очки в серебристой оправе, прячусь лицом в шарф и потираю линзы манжетами варежек. Трогаю дужки, носоупоры, трещинку в углу... Напоминаю себе, что опасности нет. Пассажиры вокруг – не враги, не угроза. Все нервничают, потому что спешат: Новый год сегодня, а столы не накрыты. Но в тот же миг я с горечью вспоминаю подругу, подарившую эти очки на двадцатилетие, – и в сердце сжимаются пружинки страха и боли.

Не-е-ет... Не сейчас, пожалуйста, не здесь, не при людях!

Я качаю головой, отмахиваясь от непрощенных чувств.

С... Спокойно, Т-тори. Дыши. Ничего плохого не случится. Ничего. Плохого. Не. Случится...

Салон топят горячие печи и разговоры, а мои руки дрожат от мороза. Голоса пассажиров то раздваиваются, то сливаются в единый гул, лезут под череп и выдавливают глаза. Трясущимися пальцами я снимаю одну варежку, расстёгиваю пуховик и достаю из нагрудного кармана футляр. Прячу внутрь очки. Приятные выпуклые узоры на крышке навевают тоску, но деваться некуда – нужно хоть как-то успокоиться.

Я сильно сжимаю очечник в ладони. Представляю, как автобус схлопывается, и люди разом замолкают. Как я поворачиваю время вспять и возвращаюсь на несколько часов назад – домой, в съёмку на Садовой улице, где между поездкой за бессмысленным подарком и надеждами достучаться до Марка звонками и сообщениями, я выбираю запереться

в квартире.

Водитель резко тормозит на светофоре в этот момент. Я вписываюсь сначала лбом в спинку переднего кресла, затем в своё – затылком. Под ногами, постукивая, катятся вещи, выпавшие из рук пассажиров. Голоса, как и хотелось, на мгновение утихают, но через секунду раздражаются вновь:

– Большой придурок, тут дети!

– Бабушка, вы целы?

– Переверни через час, чтобы не было пролежней.

– Нарожают уродов, вашу мать!

«Заткнитесь!» – я хочу кричать, но сдерживаю слова, подобно грому они звучат лишь в моих мыслях. Дыхание спирает, лёгкие обрастают камнем. Голова дымится изнутри. Я стискиваю зубы и повторяю: поддаваться нельзя. Плакать нельзя... Нельзя проявлять эмоции, когда вокруг хаос. Дыши!

Тише, милая. Выдох. Вдох. Нет ничего важнее тебя, слышишь? Ты меня слышишь?..

Моего плеча касается ладонь, слегка пожимает, – я жарко выдыхаю в шарф, – но тяжесть руки исчезает, и отдалённо мерещится вопрос:

– Выходите на следующей?

Открываю глаза, сослепу щурюсь. Вытаскиваю из футляра очки и надеваю набекрень, не попадая дужками под края шапки. Кто, кто это сказал? Голос кажется знакомым...

– Девушка, выходите на Торговом? – сидя рядом у окна,

спрашивает мужчина в меховой кепке и слегка поношенном чёрном пальто. Под козырьком он сердито щурит серые глаза и поджимает губы, будто сдерживая недовольство или вопрос покрепче.

Я тебя знаю?

– Могу пройти?

– Не знаю, – отвечаю не подумав. – Ой, т-то есть да. Да, выхожу, извините.

Вскочив с места и позабыв обо всём, я словно ужик пробираюсь через толпу и вываливаюсь на воздух, как только автобус открывает двери на Торговом проспекте. Холодный ветер тут же освежает бодрящей оплеухой и облегчает приступ. Быстрым шагом, не оглядываясь, я отхожу от дороги и прячусь под навесом зоомагазина. Дышу через нос. Медленно выдыхаю через рот. Повторяю. Считаю. До тех пор, пока не успокаивается сердце.

– Я не умираю, – шепчу себе, поправляю шапку и съехавшие очки. – Не умираю... Не умираю.

Снег мерцает под светом подвесных уличных гирлянд. Хлопья ложатся на балконы невысоких сталинок, выстроенных по бокам от главной дороги, крыши машин, тротуары и одежду пешеходов. Неоновые вывески магазинов и бутиков, рассыпанных вдоль всего проспекта, подмигивают покупателям – зовут погреться и порадовать подарками себя и близких. Улица очаровывает ароматами какао, имбирных пряников и кофе. Пахнет наступающим праздником.

После душевного автобуса здесь меня обнимает спокойствие. Но чувством безопасности способен обеспечить только дом.

Я вытираю нос и убираю футляр от очков во внутренний карман пуховика. Покрепче заматываю шарф, застёгиваю ворот... И запоздало понимаю, что не хватает одной варежки и пакета с подарком для Марка и телефоном внутри.

Теперь моя очередь, поджимая губы, сдерживать крепкое слово.

* * *

31 декабря, за 1 час до...

Пять остановок. Всего пять остановок...

В последние годы я с трудом и ужасом покидаю квартиру. Голодаю, пока в поисках съестного не обчищу кухню и в конечном счёте не выползу обессиленная в магазин. Только за сегодняшнее утро я с шестой попытки продвинулась дальше лестничной площадки, пешком через дворы дошла до центра, купила тёплое кашне для Марка, а на обратном пути, воодушевившись подвигом, сдуру села в автобус и попала в обеденный час пик. Это была непростительная ошибка. Моторчик паники завёлся, перегорел и высадил меня на полпути раньше – в живую точку города. Я проехала лишь две остановки, успев потерять подарок, телефон, шерстяную варежку и контроль.

Неясно, что печалит больше. Снова по глупости шутаться людей и города? Или остаться без телефона, когда человек, которого ни разу за полгода не видела, в любой момент выйдет на связь и напишет: «Ты мне нужна, Тори». На фоне проснувшихся страхов варезка размывается пушистым пятном.

Пять остановок. Всего пять... Я справлюсь.

Собрав остатки воли в кулак, я делаю шаг. Второй. Третий. Скрипит под подошвами снег. Хрус. Хрыц. Хрус. Лёгкий мороз покусывает через джинсы, шапку и тонкий пуховик. Сейчас бы чая и вафельного торта с варёной сгущёнкой...

Хрус. Хрыц. Хрус. Хрыц.

Мне не купить новый телефон. Не продлить аренду. Боюсь, денег не хватит и на продукты – от обиды и злости на Марка я вышвырнула в окно всю небольшую заначку, которую он помог собрать.

Выходит, о нём взаправду придётся забыть? Как? Как избавиться от человека, сумевшего зажечь в тебе жизнь? Пусть знакомого лишь по сообщениям, буквам, точкам и запятым – пусть. Это не имеет значения, ведь даже мать, находясь рядом, не сделала того же, что Марк.

Хрыц. Хрус. Хрыц.

А торт я не готовила давно. Он причинит столько же боли, как раньше?

Хрыц. Хрыц.

Возможно, я смогу забыть и остыну. С другим человеком однажды так получилось.

Хрус.

За подсчётом шагов не замечаю, как мир затих. Не слышен хруст снега, хотя я продолжаю идти. Молчит ветер. Стоят машины, поникла суматоха. Над входом в сувенирные лавки висят немые колокольчики... Что происходит?

Встряхиваю головой, сбрасывая мысли, и осматриваюсь.

Город пуст. На дверях магазинов и закусовых покачиваются таблички «закрито». Людей нет. Лениво плывут снежинки, тают от прикосновений к светящимся вывескам. Всё исчезло, и в полной тишине под тёмным небом осталась только я.

Вдруг слышу рваный скрип, словно кто-то царапает окно банковской картой. Звук доносится слева – со стороны галереи детских товаров. Я поворачиваюсь и вижу, как десяток плюшевых игрушек сидит за витриной, пьёт чай из пластмассовых чашек и пуговицами своих глаз неотрывно таращится в одну точку: на ледяное кружево, вырезанное по стеклу.

~~в^ер^ни^ес^ь д^ом^ой~~

Надпись шевелится и меняется. Лёд тает, замерзает, снова течёт, расплзаясь морозными разводами, и багровеет.

~~в^ер^ни^сь~~

Игрушки медленно переводят взгляд на меня и оскаливаются, как голодные монстры. Чай в их лапах темнеет, наливаясь чернилами.

сейчас же

Дрожь раскалывает меня пополам, лишает движения и сил. Бежать. Я должна бежать! Но не могу шевельнуться.

кё мне

Стянутые спазмом мышцы дубеют. Ужас сжимает клещами всё тело и давит, и давит, и давит... Сделай шаг! Шага-а-ай! Сделай хоть что-нибудь!

Игрушки, зверски улыбаясь, склоняют набок головы, синхронно поднимают чашки и выплёскивают на витрину совсем уж почерневший чай. Тряпичные монстры хохочут в ответ на мою слабость. Плюшевые рты изрыгают оглушающий смех, под завесой блестят их гнилые зубы.

Борись, Тори. Сосредоточься на конкретной зоне своего тела. Пальцы. Попробуй начать с пальцев, у тебя всё получится.

Мрачная жижа прогревает окно изнутри. Снаружи плавится лёд и ручейками стекает на подоконник. С подоконника ползёт на раму, с рамы – на верхушку сугроба, подпирającego стену, а дальше – вниз по заснеженной земле подтягивается к моим ботинкам и разветвляется густыми волнами, как дым от костра.

– Когда я шкетом был.

Что?..

– Отец бросал меня с невысокого утёса в речку – учил плавать. А я боялся водорослей, визжал и хлопал по воде руками.

Голос звучит отовсюду, словно хор небесных рупоров. Что это? Откуда?

– М-м-м... – Губы едва шевелятся. Моё мычание глуше мышиноного писка.

– Как-то раз ногу схватила судорога и меня потянуло на дно. Батя стоял, свысока любовался и...

Прозрачные змеи, бороздящие снег совсем близко от меня, слушают неведомый голос и не спешат нападать. Они покачиваются в пьяном удовольствии, тарахтят и трещат, как хрустящая корочка замёрзшей лужи.

– ...кричал: «Ну давай, сынок, покажи, чему научился! Булавка на плавках. Не медли, коль выжить хочешь!»

– Пом-м... ги... – Я пытаюсь позвать на помощь, но сводит челюсть и в горле саднит.

– Отцепить булавку я как-то успел, уколол ею мышцу. Помогло ли? Как видишь, живой сижу. Булавку теперь беру даже в бассейн, хех.

Раскатистый голос рассеивается в облаках, а на смену возвращаются все звуки мира. Вновь сигналият машины, наперебой пищат светофоры, болтают прохожие, трезвонят мобильники, будто все сразу, из кафешек играют рождественские песни, и звенят колокольчики. Только поблизости, кроме меня и жутких существ, никого нет.

Да что происходит?! Меня штормит в приступе паники? События сегодняшнего дня так ошарашили, что чудится невообразимый абсурд?..

Ледяные змеи, очнувшись, ползут по моим ботинкам и лезут под пуховик.

Сосредоточься на пальцах.

Ладно! Ладно... Указательный. Шевелю им. Большой и средний. Раз шевелю. Два. Памятуя историю про спасение булавкой, я сгибаю пальцы внутри варежки и вдавливаю ногти в ладонь. Оцепенение постепенно отпускает. Другая рука всё ещё скована.

Жгуттики льда клубятся уже под свитером, изучая мою кожу и покусывая. Их прикосновения не болезненные, но я немею, перестаю чувствовать тело.

Цепляясь за пух, стаскиваю варежку, – та падает на землю, – тянусь к бедру и пытаюсь себя ущипнуть. Почти достигаюсь, отодвигаю край подола пуховика, собираю складку кожи под джинсами и со всей силой, какой могу достичь в текущих условиях, щипаю себя несколько раз, пока невидимые иглы не начинают покалывать мышцы и выводить из ступора.

Ты молодец!

Оцепенение отпускает. Выдохнув от напряжения, я быстро растёгиваю и сбрасываю с плеч пуховик. Под одеждой роится холод. Я скулю от отвращения, но делаю невозможное: засовываю руку под свитер, одну за другой хватаю горсти колючих чудовищ и швыряю в витрину, с которой они все сползли. Чёрное окно вдрызг разбивается и разлетается осколками. Они втыкаются в игрушки, в снег, в чашечки;

всё, что попадает под раздачу стеклянного залпа – с шипением плавится. Оно стягивается воедино и превращается в аморфную кашу, зеленея, как токсичное, кислотное вещество.

Беги!

Я беру куртку, встряхиваю, ныряю в рукава и срываюсь с места. Ноги ватные – подгибаются и не держат. Помогая себе волочиться, я спотыкаюсь и падаю, но встаю и ковыляю дальше.

Не смотреть назад. Нельзя смотреть назад!

* * *

31 декабря, за 2,5 часа до...

Улица Садовая – моя, наконец-то. Там, на бульваре за хрущёвкой, должны гулять посетители ярмарки, наслаждаясь пряниками, глинтвейном и безопасностью. Там, в стенах съёмки, кошмары отпустят. Я вернусь в квартиру, запрусь, занавешу окна. И никогда – никогда! – не выйду наружу. До тех пор, пока воспоминания о Марке и вкусе вафельного торта, не растерзают меня изнутри.

Мой дом № 18 повёрнут спиной к бульвару, вытянутому вбок от остановки и главной дороги. Окна квартиры выходят на высаженную полосу деревьев. Я часто слышу уличных музыкантов, гитарные мелодии и отдалённый шум машин. Смотрю, как прохожие отдыхают на лавочках, перекусывают

свежей выпечкой из палатки с едой, читают бесплатные буклеты и газеты с общественного стенда и целуются под жёлтым светом фонарей. Я наблюдаю через окно, но не спускаюсь. Это чудесное место, как любое другое, где есть деревья и люди, пугает меня. Любое, где даже днём из ниоткуда может выпрыгнуть группа отморожков, чтобы отобрать твою жизнь.

– Я останусь за окном, – говорю себе беззвучно, – и не умру точно так же.

Тем временем город оживает, будто не засыпал. Небо тёмное, вновь шумит ветер. Звуки улиц, разговоров и предновогодней суеты, что парили одиноко в воздухе, наконец соединяются с миром.

Вот идёт влюблённая пара и вслух планирует совместные каникулы, встречи с друзьями, родными, поездку в столицу.

Мне бы тоже хотелось, строя общее будущее, беспечно гулять с Марком и ничего не бояться.

Вот на ярмарке мама покупает для своей маленькой дочери новогодние рожки и радужный леденец. Улыбается, показывает ей наряженную ёлочку в конце бульвара. Ребёнок смеётся и забавно пританцовывает.

Жучок зависти жалит меня в живот: узы моей семьи давно истлели, не позволив насладиться таким же детством.

Вот на лавочке сплетничают две подруги, делают селфи, пьют кофе в стаканчиках, игривыми взглядами оценивают внешность прохожих мужчин.

А такое уж совсем невыносимо видеть... Жучок зависти переобувается в бульдозер и переезжает меня к чёртовой матери.

Отлично. Теперь всё на своих местах.

Минуя двор, я подхожу к подъезду. Складываю очки в футляр, растираю уставшие глаза. Открываю сломанную дверь домофона, но не спешу заходить: сначала проверяю, обернувшись, нет ли погони.

Нет. Заснеженная улица пуста. Никто не преследует.

Выдохнув, я скрываюсь в подъезде и по привычке щурюсь. Как всегда, тусклая лампочка свисает с потолка и мигает, будто вот-вот догорит.

На этот раз ты продержалась дольше.

Преодолеваю первый этаж, иду на второй. Слабый свет пульсирует и здесь. Из-за противного мерцания все ступеньки и пролёты заплывают сумрачными пятнами, но я поднимаюсь дальше, выше – на пятый.

На последней лестнице у меня сбивается дыхание, и кружится голова. Давление стреляет очередью в уши. Я хватаюсь за перила, подтягиваюсь наверх, не справляюсь с тяжестью во лбу и опускаюсь на колени. Хочу сесть, отдышаться, прийти в себя...

Но кто-то спереди толкает меня в грудь.

Бум. Рухнув на спину, я ударяюсь головой об ступеньку и качусь вниз.

Хрящ. Что-то сочно щёлкает в шее и спине, расцветает

рассадник боли.

Зззззз. Шум и звон перемещаются от одного уха к другому, как мяч на теннисном корте. Всё перемешивается, толкается, сминает мозг.

Плюх. Затылок прилипает к стене. Шапка на голове не чувствуется; без того коротких волос, кажется, тоже нет.

Хлюп-бзп-бзсп-хлюп-бсп-хлюп. Кровь течёт из уродливой раны.

На последней ступеньке, откуда я слетела, кто-то или что-то стоит. Существо без чёткого лица. Без формы и концепции, словно размытая абстракция. Яркое, как зелёное пятно на солнце или изумруд в шкатулке с янтарями. Как сочный лимонад с щепоткой кислоты. Оно смотрит. Приближается с каждым импульсом почти угасшего света, грустно смотрит и улыбается мне.

Бум. Хрящ. Зззззз.

Ты должна вернуться домой.

Хлюп-бзп-бзсп...

Хлюп-бсп-хлюп...

Хлюп...

Хлюп.

...Плеча касается ладонь и слегка пожимает. Как сквозь вату доносятся чья-то ругань и вопросы:

– Выходите на следующей? Девушка, выходите на Торговом? Можно пройти?

Ч... чт... что..?

Глава 2. Скверна

31 декабря, за 10 часов до...

Воздух сушит лёгкие, будто я вечность тонула и, чудом выжив, вынырнула на поверхность.

– Простите, я не хотел напугать! Только уточнил, выходите ли на Торговом. Вы в порядке?..

Справа у окна сидит тот же мужчина в кепке – один в один из кошмара – и рассыпается в извинениях. В ответ я лишь давлюсь кашлем, закрываюсь шарфом и жму в руке очечник.

Пассажиры автобуса перестают орать на водителя и друг друга, переключаются на нас. Даже дети молчат и с любопытством смотрят. Бабушка в шубке, парень в наушниках – все снова находятся здесь. Я вижу их без очков.

– Простите, – повторяет мужчина. – Автобус затормозил, вы ударились и уронили вещи, а тут ещё я напугал... Помогу собрать.

Наклонившись и порыскав где-то под ногами, он поднимает подарочный пакет с витиеватой надписью «Счастливого года!», мой телефон, варежку, впитавшую с пола снежную грязь, и не брезгуя передаёт мне.

– Вы совсем позеленели, – говорит он, заглядывая в лицо. – Сейчас остановка, помочь выйти?

– Какххкая? – выдыхаю вопрос. Не голос, а шёпот мертвеца, но приступ кашля постепенно проходит.

– Не понял: какая остановка, спрашиваете? Торговый проспект, недалеко от центра. Вас проводить? – Мужчина протягивает руку.

Я отодвигаюсь на край сиденья, обнимаю пакет и мотаю головой. Нет! Ни за что не выйду на Торговом, нет!

– Как скажете, только не волнуйтесь. Я открою форточку, полегчает. Тут очень душно – сам уже плавлюсь. Эй, люди, не закрывайте окно! Хотя бы пару остановок потерпите, дайте девушке прийти в себя.

Он открывает форточку, проверяет, попадает ли на меня воздух, кивает и спешит к выходу. Я быстро пересаживаюсь на его место и отворачиваюсь к окну, желая стать невидимкой: окружающие травят взглядами так, будто разом сочувствуют мне, насмеваются и презирают. Фу, бедняжка чумная! Отойдите от неё, а то подцепите заразу.

Никого не слушай. Слушай только меня.

Автобус подъезжает к Торговому, распахивает двери. Наружу выплывает цунами тел, а с улицы врывается торнадо новых пассажиров. Выйдя на остановке, кепочник оборачивается, затуманенным взглядом смотрит на меня через окно и губами чётко произносит фразу: «Это не твоя вина, мы оба – соучастники».

Наверное, почудилось, я перенервничала.

Автобус, качнувшись, едет дальше. Я жмурюсь. Пальца-

ми одной руки глажу узоры на очечнике, пальцами другой – экран телефона. После падения он усыпан трещинками и кажется хрупким, беззащитным и сломанным. Таким же, как я.

Что со мной происходит?

Я крепко ударилась и от испуга отключилась? Подобное случалось в детстве, продолжалось днями и неделями и мучило меня жуткими снами... Но тут прошли всего минуты. Я успела забыть, насколько эти ощущения коварны даже на мгновение?

А Марк?.. Его прощальное смс – тоже побочка воображения?

Сняв блокировку телефона, я открываю мессенджер в надежде увидеть новое сообщение, – но нет. По-прежнему последние слова Марка читаются как попытка меня убить: «Я устал притворяться...» И как раньше, я отказываюсь этому верить.

Захожу в журнал вызовов, забитый недозвонами до единственного контакта в книжке, не считая мамы, и пробую достучаться опять. Взять измором.

Туд. Ту-у-уд. Ту-у-уд. Ту-у-уд.

Говорить по телефону нельзя, только переписываться – такие Марк выставил условия виртуальной дружбы. Мне не привыкать, мать также ненавидит звонки. Но правило я нарушаю, чтобы знать: Марк не исчезнет. Пока я ищу новую работу, непохожую на прошлую, он не оставит меня.

Туд-туд-туд-туд.

Сброс... Всю неделю таков его ответ.

Я набираю короткое сообщение: «Пожвони пжл мне нужан помщь». Кнопки заедают, и автобус подпрыгивает на снежных кочках по дороге, отредактировать текст не удаётся. Отправляю так – в довесок к предыдущим тревожным смс. Надеваю очки, кладу телефон и очечник в карман, чтобы не выпали, укутываюсь. Заглядываю в пакет и проверяю, на месте ли кашне.

Скоро автобус подъедет к Садовой улице. Но после жутких галлюцинаций я не готова сейчас вернуться домой.

Придётся ехать до конечной, а там – попроситься к маме на работу и переждать. Она будет разочарована внезапному визиту, мы не виделись со дня моего переезда. Но больше мне некуда идти.

По пути я нахожу взглядом витрину с игрушками. За стеклом, в окружении паутинок гирлянд, подвесных снежинок и под юбкой миниатюрной ёлки собирают домино две панды, медведь, семья зайцев и лисица. Нет голодных монстров и надписей. Нет чёрного стекла. Город живёт и готовится к празднику, а всё, что привиделось, осталось лишь в моей голове.

* * *

Конечная. Окраина города, улица Лесная. Этот район носит справедливое прозвище «Скверна»: пару с лишним лет

назад в придомовом сквере убили старшекурсницу юрфака. Днём. Накануне её дня рождения. Сначала никто не помог, а когда попытались – спасти было некого. События того дня выворачивают душу, поэтому снимаю очки: хочу развидеть это место.

Домов немного. Девятиэтажки, построенные полукругом, загораживают собой лысую поляну пеньков – когда-то на Лесной возвышалась густая чаща, ныне срубленная под корень. Теперь из-за пустот не спрятаться от солнца летом, а зимой – от ветра.

Жильцы в основном преклонного возраста: из-за убийства девушки молодые семьи перебираются ближе к центральному району. Стареют площадки, пустует детский сад... Прискорбная часть города. Бабушки и дедушки облагораживают дворы цветами и устраивают коллективные посиделки, чтоб совсем уж не заскучать в одиночестве без своих детей. Но это не облегчает груз Скверны.

Стоя в дверях автобуса, я из двух зол не могу определить меньшее: в страхе вернуться на съёмку, либо проведать маму и выдержать мрачность Лесной улицы? Водитель громко откашливается, напоминая, что пора бы выйти. Я нехотя надеваю одну чистую варежку, а грязную сворачиваю и складываю в карман. Салон покидаю, трижды убедившись, что пакет – в руках. За мной с шипением захлопываются двери. Отступить некуда.

* * *

Битый час я топчусь на остановке, смотрю в телефонную книжку мобильного, не зная, что делать. Звонить запрещено. Мама работает по ночам в местном универсаме и не высыпается днём, беря дополнительные смены. Позвонить равно выдернуть из сна и испортить настроение.

Я набираю сообщение, но слова не складываются: что написать? «Хочу поговорить», «Одолжи сорок рублей на автобус», «Марк исчез, поэтому приехала к тебе»? Что из перечисленного – правда? Не знаю. Да и бессмысленно дёргать маму сообщениями. Услышит, проснётся, разозлится... Как всегда, всё испорчу.

Буду ждать у входа в универсам. Магазин ближе и... безопаснее.

* * *

– Витьк, это, выздоравливай! Чего в новый год-то болеть?

– Да опять давление скачет. Отлежусь и Лиду зайду поздравить, ей же ночь работать одной.

– Угу, винишко-то пару бутылокхвати, она благодарна будет. Хотя и так поддатая придёт... С лета не просыхает.

– Кхм, ну, Настя, счастливого года! – попрощавшись в дверях универсама, на порог торопливо выходит мужчина в чёрном пальто. Стало быть, Витька. Воротник поднят до но-

са, глаза щурятся и хмурятся от непогоды, подмышкой торчит газетный свёрток с чёткой бордовой надписью: «Каток, ёлка и глинтвейн – встречайте праздник на площади!»

Ветер словно льдистыми иглами пробивает насквозь. Стоя под козырьком универсама, вся продрогшая, я мельком смотрю на Витьку и отворачиваюсь, чтобы слиться со стеной. Но он замечает меня и подходит с вопросом:

– Здравствуйте, с наступающим! Вы кого-то ждёте?

Не отвечаю.

– В магазине тепло, заходите, – настаивает Витька. Он окликает Настю, подойдя, похоже, снова к дверям: – На-а-асть! Тут девушка мёрзнет,пусти погреться! – И обращается ко мне, коснувшись локтя: – Не стойте на морозе, вечереет, вы заболете.

Я отдёргиваю руку.

– Не т-трогайте м-меня.

– Э-э... Как скажете. Я помочь хотел. Если передумаете – не стесняйтесь, заходите. Счастливого Нового года и вам, пожалуй.

* * *

31 декабря, за 4 часа до...

Мать подходит на работу к восьми вечера. Уже темно, ветер продувает насмерть, метель кружит над Скверной, как стая ворон. Я не чувствую лица, и сопли уже замёрзли.

– Какие люди! И без охраны?

– И т-теб-бе п-прив-вет, м-м-мам.

– Отморозила зад, пока ждала? Чё ж в магазине не греешься? А, не отвечай. Знаю-знаю. «Не хочу доставлять неудобства, мам». Старая песня, слышали. Со мной-то не так страшно зайти, а? Пошли. Чаем напою и бутеры дам. Потом расскажешь, что случилось.

Послушно иду за мамой, едва передвигая ноги. Отморожен, кажется, даже мозг. Думать трудно, ходить тоже, с матерью говорить – подавно. Когда я вижу её, включается привитый рефлекс держать рот на замке и подчиняться.

– Доброго утречка, Лид, – здороваётся с мамой грузная брюнетка, подсчитывая выручку за день. В нашу сторону не смотрит. Покусывает зубочистку, звенит кольцами браслетов и шуршит деньгами, притопывая пухлой ножкой в такт песни на радио.

– Привет-привет. Ты одна работала?

– Угу, Витьку довела гипертония, ушёл пораньше. Директриса в отпуске, сменщица в отгуле – на кассе и во всём магазине я одна. Зашиться можно, особенно с поставкой и выкладкой. Народец хоть успокоился! Купили уже всё, салаты готовят. Новый год так-то, Лидк. Жалко, что на работе встречаешь, но без тебя завтра на полках нечего будет взять... О, представляешь, девчонка какая-то полдня болталась на проходной, так и не зашла. Звали с Витькой, не дозволили. Не бомжиха, а стояла, как бездомыш, и мёрзла. Ждала, что ль,

кого-то... Я приглашала зайти, а она отворачивалась. Странная, наркоманка, что ли... О?

Настя, наконец, поднимает голову и видит меня.

– Батюшки, так это она!

– Ага. – Мама хмыкает. – Знакомься, это моя дочь Виктория – она с причудой... Вика, помаши и скажи Насте привет.

Я выполняю её просьбу, не подумав, как нелепо и унижительно выгляжу – словно меня раздели, голышом вывели на сцену и приказали плясать на потеху публике. Настя поднимает брови, возможно, убедившись, что я действительно «с причудой», а мама улыбается, как-то недобро кривя рот.

– Не знала, что у тебя есть дочь...

– Садись у монитора, Вик, он за кассами, – говорит мама, игнорируя слова кассирши, и уходит в сторону подсобки в дальнем углу магазина. – Отогреешься, в камеры посмотришь. Я переоденусь и заварю чай. Как чуяла, настрогала бутеров на смену... Насть, уходить будешь, закрой сама нас, ладно? Вика явно до утра останется.

Настя моргает, но молча опускает голову. Она связывает подсчитанные купюры резинками, складывает в ящик и с четвёртого раза захлопывает крышку, бурча под нос:

– Какие ж хилые кассы у этой фирмы, каждую смену возусь... И двух недель не прошло, как поставили замок, а он опять тупит! Задолбало. Руководству пожалуюсь. На всё! Ой, Вик, ты не слушай, это наболевшая история. Проходи лучше, щас освобожу место.

Кряхтя на больную спину, Настя встаёт с кресла и пропускает меня сесть.

– Обогреватель под кассой стоит отменный, оттаешь быстро. Ноги, небось, застудила? Тогда обувь просуши и прогрей, да. В отделе с шампунями и мылом носки мужские висят, возьми пару – за мой счёт. На подарок новогодний не тянет, конечно, но... Хотя бы так. И... это... Извини за наркоманку? Ты непохожа, правда. Вот. Спокойной и тёплой ночи, Вика, я рада знакомству.

Вика. Виктория. Вики. Ненавижу своё имя. Мать в плохом настроении намеренно добавляет «Вика» там, где можно обойтись. Меня раздражает, когда кто-то обращается по имени, даже если проявляет заботу.

Шмыгнув заложенным носом, я киваю Насте, усаживаюсь в проходе между кассами и вижу себя на мониторе камер наблюдения. Перед компьютером сидит в пуховике сгорбленная и тощая фигура девушки. На серой шапке застыл от мороза помпон, ноги поджаты, холодные руки держат пакет. Если с других ракурсов и видно моё лицо, то оно наверняка малиновое, как ягода из морозилки – щёки не чувствуются, дрожит подбородок.

В голове пусто. Но я рада, что трясусь от мороза, а не страха. Универсам сейчас кажется самым безопасным в мире убежищем, хотя здесь меня не было с той поры, когда я купила последнюю банку варёнки.

Камера у входа показывает, как Настя закрывает магазин

и бежит домой, спасаясь от снегопада.

Мама, переодетая в рабочий халат смурого цвета, несёт из подсобки бутерброды с паштетом и горячий чай, ставит передо мной на компьютерный столик.

– Черничный с ложкой сахара, как ты любишь, – говорит она и улыбается так тепло, что не верится, кажется случайностью и миражом.

– С-спасибо.

– Ты грейся, а я работать пойду.

В желудке разрастается голодный рёв, но в рот кусок не лезет. Я стаскиваю с себя варежку, шапку, складываю в пакет и оставляю вещи под второй кассой. Пуховик расстёгиваю, пока не снимая, разматываю шарф. На всякий случай проверяю футляр в кармане – очки на месте. Обогреватель справляется с задачей, я постепенно оттаиваю и начинаю чувствовать себя человеком, а не сугробом.

Обхватив ладонями горячую кружку, грею пальцы. Наблюдаю за мамой с экрана. Худенькая женщина средних лет, уже почти седая, завязывает тонкий хвостик, берёт ведёрко с водой и тряпкой и подходит к прилавку с консервами. Она начинает протирать пыль и разводы на стендах, выравнивать баночки и ценники, горбясь и тут же выпрямляясь. То улыбается, то резко хмурится, то зависает, обнимает себя за плечи и косится на полки с алкоголем. Краешек беспокойства улавливается во взгляде, прежде чем мама стряхивает его, словно пыль из угла полки.

Вспоминаю слова бывшей подружки, которая мечтала поху- деть, но не могла отказаться от энергетиков и кофе со слив- ками: «Ваша худоба – семейное. Сколько ни ешь, а фигурки не заплывают жиром. Мне б так!»

Я считаю иначе. Потеря веса, а заодно слабое здоровье, тревожность и выпадение волос – результат нищеты и нер- вотрёпки. Мы с мамой не ладим. Она беспробудно пьёт и вымещает на мне обиды, за что позже себя ненавидит. А я отстраняюсь с каждым годом всё дальше, хотя где-то глубо- ко, наверное, хочу помириться.

– А я говорила: променяешь меня на Марка, – за живое задевает мать, всё-таки перейдя с ведром и тряпкой к отде- лу с крепкой выпивкой. От её прикосновений мелодично по- стучивают бутылки коньяка, вина и пузатого пива.

Я хмыкаю в кружку, раздувая пар от чая. Ну началось. Мама не меняется.

– Нет, мам, – отвечаю. Зубы не стучат, язык отмёрз, гово- рить становится легче. – Я уже не маленькая. Как положено взрослому человеку, я пытаюсь строить собственную жизнь.

– Ну-ну. Взрослые не бегут к мамке под юбку, случись что. Кстати, что у тебя стряслось? Марк бросил? Неудивительно. Не работаешь. Дома сидишь. Матери не пишешь. Фантази- руешь бредни, всего боишься. Марк обеспечивал – святой человек! – но нормальный мужик тебя бы не заметил. Вряд ли ты сегодня пришла, чтобы сказать, как по мне соскучи- лась... И что с причёской? Выглядишь, как пацанёнок.

Её слова проносятся сквозь меня, как острые камни. Я даже не задаюсь вопросом, откуда ей столько известно про мою сложную дружбу.

Из всего, что спросила мама, отвечаю на последнее:

– Отстригла. – Сама, канцелярскими ножницами, в ванной на Садовой, на третий день после безутешных попыток дозвониться Марку. Отпивая чай, я проглатываю недосказанное. И на что рассчитывала, придя сюда?

– Как тебе Марк? Секс уже был?

– Он... Просто друг. – А в сущности, мам, мы не встречались, и как последняя дура я жду весточки от человека, знакомого лишь по переписке, но отчего-то именно с ним надеюсь связать свою жизнь.

Слышится, как по резьбе бутылки откручивается металлическая крышка, затем звучат пару глотков и вздох облегчения.

– Знаешь, мне завидно, – говорит мама спустя минут пять. – Я забеременела тобой через месяц после первого раза, семнадцать лет было. Тяжёлая молодость... Вспоминаю – и душа выворачивается. Ты же, напротив, всё бережёшься в свои двадцать лет.

– Мне двадцать три, мам.

– М? Думаешь, я не помню, когда тебя родила?

– И когда же?

– В марте. Двадцать там какого-то... первого, вроде.

– В феврале, мам. Седьмого февраля. Ты называешь со-

всем другую дату, которую я стараюсь забыть.

– Дерзишь?

– Мама... – Я опускаю глаза, перестав смотреть на неё через монитор. Тру переносицу. – Хватит, пожалуйста. Мы же семья, не виделись давно, и мне... Мне, кажется, нужна помощь. Можно сказать?

– Давай, если хочешь. Будь добра, выруби радио, там новости крутят – бесит. Магнитофон где-то под столом, посмотри.

Я ставлю кружку, наклоняюсь и тянусь к розетке, чтобы выдернуть вилку. Жужжащая коробочка с кнопками сидит на системнике и тархтит: «...Продажа фейерверков приостановлена в связи с нарушением техники безопасности. Традиционно в честь Нового года граждане собрались на площади и...», – обрываю сообщение.

Так и остаюсь сидеть с проводом в руках.

Говорить о своих проблемах с мамой уже не хочется. Она пьянеет. В тишине отчётливо слышен каждый сделанный глоток. По трезвости она подвержена унынию и самокопанию, а под градусом – спускает с цепей всех собак и демонов, не слыша себя и окружающих. Когда-то мама заменяла мне всех. Но теперь порядок другой, и говорить с ней в любом её состоянии стало невыносимо.

Она выдёргивает меня из размышлений, как вилку магнитофона из розетки:

– Вика, зачем ты пришла?

– Я... Хотела пригласить тебя на новый год и познакомиться с Марком. – В голове взрывается вопрос: «Почему ты врешь?» – Подарки не нужны, просто... приходи. – «Приходи и, как всегда, напейся, выпусти пар на свою дочь». – Мам, ты придёшь?

Об пол разбивается стекло. Шипит пенное пиво.

– И ради этого ждала меня на морозе? – Мамин голос дёргается и осипает. – Могла бы отправить смс, не выходя из квартиры.

– Так ты придёшь?

– Нет. Но спасибо за приглашение, Вика.

Иначе быть не может.

Снимаю пуховик и вешаю на спинку кресла. Сердце колит от разочарования. Мать меня не терпит, я как багаж волочусь позади и торможу. Она повторяла мне эти слова первые три года жизни и последние два.

Достаю телефон. В сотый раз за день набираю Марка и сбрасываю, слыша безответные гудки. Снова звоню...

И трубка отвечает.

– Ал... то это?

– Марк?! – Моё тело окатывает теплом. – Неужели ты? Так рада тебя слышать! Это Тори, я... в универсаме на Лесной. Не могу отсюда уехать домой. Марк, ты... Поговоришь со мной?

Динамик шумит помехами.

– К... кто... ите? Не... аю... омер не опр... что ...тели?

– Удалил мой номер или что? Связь плохая. Ты нужен мне... Забери меня, пожалуйста.

– Дол... нет, кре... буду.

– Ничего не понимаю. Прочитай сообщения, хотя бы последнее! Я буду ждать.

– Я ...то пы...ть!.. хер...тые. Туд-туд-туд-туд.

Да твою мать!

Проверяю ещё раз номер. Да, мне не показалось – это Марк! Открываю окно сообщений и пишу: «Ночую у мамы в универсаме. Не могу вернуться домой, мне страшно. Пожалуйста, ответь хоть что-нибудь!»

Я убираю телефон в карман джинсов, складываю руки на стол и роняю голову. Рядом остывает кружка с недопитым чаем, за ней – тарелка с нетронутыми бутербродами. Трещат подвесные лампы магазина, гудит системник под столом. Мама работает и не разговаривает, за что я благодарна.

Обидно до слёз. Я одна. Подмога не приходит. Плакать нельзя, кричать нельзя, поделиться не с кем. Попробовать поспать? Получится ли, если через несколько часов весь город оглушат салюты?

Ты-дынь, ты-дынь! В джинсах пищит телефон. Усталость сразу сбегает на дальний план, я выпрямляюсь, встряхиваюсь, вытаскиваю мобилку и вижу надпись: «Входящий вызов. Номер не определён».

– Алло? Марк, это ты?

В ответ молчание.

– Алло? Кто это? Я слушаю.

– Не слушаешь. – Чужой тяжёлый шёпот как наждачка режет ухо. Он неопределим: ни женский, ни мужской. Беспольный. Неестественный. – Ты не вернулась. Почему?

– Куда не вернулась? – К горлу поднимается ком.

– Ты отвернулась от дома. Почему?

– Чего?.. Я же не... Да кто вы? Что за шутки, угрозы? Что вам нужно?

– Посмотри назад. Туд-туд-туд-туд... – Неизвестный бросил трубку.

Сердце делает кульбит. Я поднимаю взгляд на монитор и по камерам вижу маму за спиной. Она стоит, держит банку тушёнки, заводит руку над моей головой...

– Мам-ма?

И не отвечает мне.

* * *

Сложившись пополам, я прячусь под стол, притесняя системник компьютера.

– Мама, нет!

Она промахивается, банкой попадает в монитор. Тарелка и кружка, грохоча, сваливаются на плиточный пол и бьются, бутерброд накрывают осколки. Чай чёрной лужицей расплзается под ногами и обтекает резиновые тапочки матери.

– Познакомишь с Марком, говоришь? – совершенно

озлобленным, рычащим голосом спрашивает она.

Не шевелись! Ни звука! Молчи! Медленно считай до десяти!

– То есть Вика вернулась, чтобы пригласить на ужин с чужаком, который ей дороже матери?

Раз...

Она замахивается и несколько раз прошибает консервой монитор. Запах алкоголя щиплет нос с каждым маминым словом, глаза предательски слезятся.

– Так ты благодаришь меня за старания? За внимание? Свободу?

Тори, мама не сделает этого. Сколько пыталась – и снова не сможет!

– Ты... Отвернулась, обесценила мою любовь... Вот увидишь, Марк поступит с тобой так же, как поступили со мной. Судьба у нас такая, Вик:дохнуть от одиночества в обществе друг друга.

Два...

– Прости, – я пытаюсь сказать, что она ошибается, что за неё говорит алкоголь, что я переехала не из-за нелюбви, а из-за взаимной усталости жить именно так, – но мой голос тревожный, приглушённый и как будто извне, растворяется в пространстве и шипит, как аспирин в стакане с водой. Мама не слышит. Я не слышу себя.

Три...

– Я верну тебя. Верну. Тебе некуда идти, Вик, понима-

ешь? Ты поймёшь. Потом точно поймёшь.

Развернувшись, она ослабляет дрожащие пальцы, обнимает свои плечи и куда-то уходит. Консервная банка, выпав из рук, звонко катится под кассу.

Четыре...

Пять...

Шесть...

Я жмурюсь до боли в глазах, подтягиваю ноги к груди и прячусь в шарф, который так и не сняла. Приступ удушья снова пожирает, но подсчёт в уме кое-как успокаивает.

Семь.

В магазине властвует тишина. Потрескивают лампы, снежинки гладят окна снаружи. Ветер, кажется, и тот смолк. Горло саднит колючим страхом. Я боюсь услышать шаги мамы, но хуже – снова получить звонок с неизвестного номера. Мобилка валяется где-то за пределами касс, я швырнула её не глядя, прежде чем спрятаться под стол.

Восемь.

Всё случившееся – чья-то шутка. Совпадение. Хочу верить, что я права, но не получается.

Девять.

Это телефонное хулиганство. Кто-то надрался, не дождав-шись Нового года, и случайно набрал мой номер, решив подколоть. А мама... Подвыпивши, она не впервой проявляет агрессию. Причины злиться на меня есть. Но не убивать. Как бы ни было нам больно друг от друга, до самой смерти мы

семья. При любых обстоятельствах. Разве нет?

Десять.

Сердце возвращается на место, вновь равномерно бьётся. Я решаюсь открыть глаза.

Пусто. В проходе между кассами – никого. Валяются мои вещи в окружении осколков, в чайной луже разбухают бутерброды, на боку лежит кресло, заодно – мой намокший пуховик.

Мама остыл след. Её молчание и бездействие пугают больше, чем издёвки и острые разговоры. Вдруг вернётся? Попытается прибить чем посерьёзнее, вроде кухонного ножа с посудной полки... Вечно сидеть под столом невозможно и опасно, надо отсюда сматываться. Неважно куда. Здесь нет моего дома.

Дотянуться бы до куртки, достать очечник... С ним чуть легче собрать волю в кулак.

Я аккуратно тянусь к креслу, хватаю край пуховика и тащу на себя. Одежда шуршит громко, будто даже оглушает. Придвинув ближе, лезу во внутренний карман, вытаскиваю футляр с очками и крепко сжимаю в ладонях. С ним разом прибавляется сил и уверенности в завтрашнем дне. С ним я перестаю думать, что за поворотом ждёт опасность, которой только и надо – убить меня. С ним ощущаю способность управлять собой, но... В моих руках последний подарок Натты. Ко всему прочему, с ним возвращаются мрачные мысли о бывшей подруге.

Глаза щиплет злостью.

Я ничего не смогла тогда предпринять. Ни-че-го. Должна была действовать немедленно, а лучше – с самого начала не отводить взгляда, но лукавый укусил и заставил отвернуться. Жизнь разделилась на «до» и «после». *До*, когда дома пахло вафлями, мама высыпалась и гордилась семнадцатью годами трезвости, а я доучивалась в университете, продавала поделки ручной работы и мастерила «Кошмарье» для подружки. *После* солнце погасло и мир затопила тьма. Что остаётся делать? Беречь подарок Наты и не оглядываться на прошлое.

...Почему в магазине так тихо? Где мама? Который вообще сейчас час?

Молчание нарушает голодный вой китов, поселившихся в желудке. Но изуродованные на полу бутерброды и страх остаться в магазине на всю ночь отбивают аппетит. Я раскрываю футляр, в последний раз погладив узоры на крышке и надеваю очки. На четвереньках выбираюсь из-под стола, осторожно осматриваюсь. Чисто. Монитор ещё работает, хоть и мигает паутинками разбитых пикселей; на камерах есть только я.

Да где же мама?..

Под перевёрнутой клавиатурой, с частично отлетевшими от ударов кнопками, лежат ножницы – беру их и прячу в сапог. Другого оружия поблизости нет. Стараясь не издавать лишних звуков, забираюсь в пуховик, вынимаю из пакета шапку, без резких движений одеваюсь, забираю свои вещи,

встаю и отступаю к аварийному выходу. Через него покину магазин без ключа. С прикассового прилавка наугад пихаю в карман упаковку леденцов – перекушу, когда выберусь.

Телефон искать некогда. Да и плевать. Марк не позвонит. Я теперь не уверена, что знаю человека, беспричинно бросившего меня: тот, кто поддерживал связь все эти месяцы, давно бы отреагировал на отчаянные просьбы о помощи. А того, кто написал прощальное смс от имени Марка, я не знаю и не хочу знать.

Дверь аварийного выхода не опечатана, кто-то ею уже пользовался. Я поворачиваю ручку, открываю. В магазин заползает свежий и спокойный ветерок.

Прежде чем выйти, достаю из сапога ножницы и вырезаю на двери послание самой себе: «Уходи». Убираю «оружие» и беспрепятственно оказываюсь на улице.

Нужно идти по обратному маршруту автобусов. Рискну добраться до Садовой.

* * *

31 декабря, за 3,5 часа до...

Метель покинула Лесную Скверну. Под вечерним небом безмятежно кружатся хлопья снега и блестят в свете фонарей точно праздничная мишура. Лёгкий холодок пощипывает кожу на щеках. До остановки я добираюсь бегом, а дальше сбавляю темп: хвоста за мной нет. На улице поблизости

никого не видно, лишь вдалеке сияют огни живого города.

Ветер играет с листовками на фонарных столбах, норвя сорвать да пустить в полёт. Я не обратила бы внимание, но флаеры развешаны под каждым фонарём и привлекают своей однотипностью: на рисунке изображён кустарный карандашный комикс.

В бумажных рамках листовки за квадратным столом сидят две человеческие фигуры в виде палочек и кружочков. На фоне начертано окно с оторванной занавеской в просветах чёрных лучей солнца. Один силуэт, меньше размером и согбленный, склонившись над какой-то вещицей, не поднимает головы. Второй наблюдает рядом, понуриив плечи.

– Осгравим пожырок на мачилке? – в нарисованном диалоговом облачке спрашивает второй.

Первая фигура бубнит под нос:

– Мем, лам. Лушмарье ацанется со жной.

– Борокая, ну ромалуйжста... – говорит второй человек, но первый ударяет кулаком по столу и перебивает:

– Эцтка петибла ки-ца зиня! Зиня! Я чамжна об цэтом пливнить. Лушмарье ацанется со жной!

На этом и весь комикс.

Я подхожу ближе, присматриваюсь, ничего не понимая. Зачитываю реплики персонажей вслух:

– Осг. Ра-авим. Пожы-ырок? На-ма-чил-ке. И что это значит?

Язык кажется бессмысленным, нелепым, каким-то ломан-

ным, однако... Слова знакомые. Раньше я слышала тот же разговор, но в другом, более привычном виде. Где и когда?

Пытаясь это вспомнить, зависаю перед комиксом. Мой пульс будто замедляется.

Вдруг головы-кружочки поворачиваются и смотрят на меня в ответ.

– Жи ацаешься в Лушмарье, – буквы подсвечиваются изумрудными искрами, скребут фонарный столб и захватывают пространство.

Пульсируя волнами, они пятнают взор, ослепляют, притягивают меня магнитом, окутывают в кокон и погружают в тёплый день, откуда доносится музыка без слов, пахнет пирожными, черничным чаем и весной.

В день, когда всё изменило моё бессилие, и зародились страхи.

Глава 3. Салатовое солнце

21 марта

Круглые столики кофейни пусты. Здесь только я в дальнем углу завариваю чай; и бледный бариста, заправляя под сеточку выбившийся локон, насухо вытирает чистые чашки. Он не смотрит в мою сторону. Я знаю почему и подозреваю, что через десять минут отводить взгляд ему станет сложнее.

Сквозь прозрачные витрины льются лучи света, забираются в кристалл наддверного ловца солнца и радужными каплями растекаются по кремовым стенам. В этих бликах я вижу разноцветные снежинки, конфетти и дождь. Нахожу сходство с антуражем моего «Карманного мира». Улыбаюсь, всё ещё чувствуя на пальцах липкие шуршащие блёстки – всю ночь я обваливала миниатюрные фигурки облаков и погружала в эпоксидный макет.

Натке понравится. Завтра я вручу ей уникальную вещь, которую нигде не купить. Месяцы кропотливой подготовки и лепки, десятки неудачных попыток детализировать каждый миллиметр, бессонница и пропущенные пары – всё стоит того, чтобы подруга восторженно верещала в свой день рождения. Лишь бы успеть завершить подарок.

С ловца я перевожу взгляд на пузатенький стеклянный

чайник, что стоит на моём столе. Заварка парит в кипятке, темнеет, раскрывает аромат черники. В отражении на меня смотрит сонный человек со спутанной косой, понурыми плечами и осанкой-полумесяцем. Я слегка взбалтываю чайник и поднимаю вихрь чаинок, желая смахнуть с поверхности моё лицо.

Дверь кофейни распаивается, запускает свежесть и шум улицы. Заходит круглолицая девушка в салатовой куртке из кожзама, ищет меня взглядом и с порога заявляет так, чтобы слышал весь мир:

– Какой-то придурок обозвал меня женщиной, Тори! Вот честно скажи, я опять поправилась?

– Нет, – я вру, надеваю очки и присматриваюсь, тут же добавив искренности: – Брось, выглядишь свежо, как листья мяты.

Комплимент выходит таким же неудачным, как моё отражение в чайнике. К счастью, Натка не слышит: замечает бариста за стойкой. Он надевает улыбку и приветствует кивком.

– Здравствуй?.. Те, – запинается Натка.

Она краснеет, отворачивается и, стуча каблуками по керамическому полу кофейни, спешит ко мне за столик. Песчаные пружинки волос подпрыгивают от движения и рассыпаются по плечам. Бренчат металлические заклёпки и застёжки на рукавах, куртка переливается жёлто-зелёным сиянием, как полярное небо над Севером. Наталия Соколова – девуш-

ка-акцент. Вызов серому городу, яркий самоцвет среди речных камней. Она похожа на абстракцию, а я рядом с ней кажусь призрачной молью.

Натка плюхается напротив, сбрасывает на пол компактный рюкзак и, наклонившись через столик, громко шепчет:

– Не знала, что сегодня работает *он*!

Последнее слово она выделяет с особым недовольством.

– Твой бывший тоже вряд ли ожидал, что утром в будний день припрёмся *мы*, – отвечаю в защиту. – Обычно нас приносит вечерами.

Вздохнув, Ната поднимает рюкзак и достаёт зеркало, чтобы поправить лёгкий макияж.

– Сегодня всё не так, – говорит она в процессе. – Пропала, опоздала, оскорбилась, поругалась, скоро на пары ещё пилить, тему курсача выбирать... Хреновый денёк. Что бы ни случилось дальше, позавтракать чем-то сладеньким я успею. Обязана! Торь, будешь пирожное?

– Мне чая хватит.

– Ладно, растолстею одна.

Я наполняю кружку и добавляю ложку сахара, беззвучно помешивая. Поглядываю на бариста, которому предстоит принять заказ Наты. У этой парочки сложные отношения: сначала он её отверг, потом она бросила перчатку и ответила тем же, теперь оба друг друга едва ли терпят, стараясь не пересекаться. А я почему-то регулярно оказываюсь в эпицентре событий, хотя сторонюсь перепалок.

– Кофе со сливками и «Три шоколада», – заказывает Ната и сверкает глазами так, что даже солнечные зайчики тускнеют на стенах.

Облокотившись к стойке, она следит за руками своего бывшего парня, сверлит взглядом спину, ждёт, когда он подаст заказ. И дождавшись, зачем-то спрашивает:

– Завтра я отмечаю день рождения. Хочешь, увидимся?

Он трёт кончик носа и отклоняет приглашение. Натка принимает удар улыбкой. Ничего, говорит она. Берёт чашку и тарелку с кусочком чизкейка, отступает. Значит, не судьба – увидимся в следующий раз. Дёргает уголок рта, возвращается к столику и шипит, как вода на раскалённом камне:

– Увидимся никогда, засранец. – Затем садится и нервно скребёт ложкой десерт, разделяя на квадратики. Наверное, она представляет, как то же самое проделывает с бариста.

Дальнейший разговор прячется в тень, как испуганный и нашкодивший котёнок. Я не встречаю с вопросами, проглатываю советы, не лезу в чужую личную жизнь. Да и что говорить человеку, во много раз опытнее меня в отношениях?

Но в груди сворачивается комок сожаления и тоски. Всегда жизнерадостная, хотя вспыльчивая подруга, сидит рядом совершенно поникшая, словно её последняя попытка наладить связь с бывшим собрала вещи и ушла к более удачливой паре. Десерт и тот не лезет, – а Натка, к слову, месяц воздерживалась от сладкого. Не сомневаюсь, что всё это ради безответной любви...

Будто подумав о том же, она собирает ложкой сразу одну треть пирожного, закидывает в рот и неразборчиво бубнит:

– Луфффе вывняя ваднуса, фем вавбитое сефсе.

– Поддерживаю, что бы это ни значило.

– Да пофёл он!

– Именно, будет локти кусать.

– Тофь, а мовно вефэфом пфивти с нофевкой?

– Что?

– Да флин, фяв. – Дожевав, она делает звонкий глоток кофе, облизывается и переспрашивает: – Можно вечером придти с ночёвкой? Часа в четыре после пар. Какая разница, когда отмечать дэрэ: сегодня, завтра, вообще не отмечать... С вечера начнём и забудем обо всех неудачах.

– Если тебе так лучше – конечно, приходи. Только без шума, хорошо? Мама спит после ночной смены. И без выпивки.

– Ага, а угостишь фирменным тортом? Пожалуйста, Торь. К чёрту лишний вес. И кретина этого, – Ната кивает в сторону бариста, – туда же.

Я заранее соглашаюсь, хотя понимаю: сил нет замешивать тесто, печь вафли, готовить начинку, охлаждать торт... Ведь основной подарок ещё не доделан и смертельно хочется спать. Но желание взбодрить подругу крепче, чем соблазнительная лень.

– О, чуть не забыла. – Ната откладывает ложку и лезет в свой рюкзак. Достает конверт с надписью «Спасибо!» и передает мне, широко улыбаясь. – От однокурсниц, за потрясные

сувенирчики на восьмое марта. Всем особенно понравились цветы, как у тебя хватает терпения на проработку деталей?

Внутри конверта лежат три тысячи рублей.

– Эм, деньги? – Я растерянно его закрываю. – Зачем? Это же были подарки...

– Благодарность не измеряется материально. – Ната подмигивает и допивает кофе. – Не отказывайся, когда кто-то хочет подкинуть бабла.

– Я запомню этот совет.

– Всё, Торик, валим отсюда скорее, – торопит она, поправляя куртку и закидывая на плечо рюкзачок.

Не попрощавшись с бариста, мы выходим на улицу. Ната тотчас хмурится и заземляет меня вопросом:

– На пары опять не идёшь?

Я молчу и прячу взгляд.

– Твою ж, Тори... Ты пропустила февраль и почти весь март. Мама ещё не спалила?

– Нет. Иначе убила бы.

– Я сделаю это раньше, если не перестанешь. Возвращайся в режим, не глупи. Всё-таки предпоследний курс. Мне что, без тебя универ заканчивать?

– Постараюсь... Очень постараюсь. Не дави, пожалуйста, такими разговорами, мне и без них стыдно...

– Ладно, заноза, – она смягчает тон и сжимает меня в крепких объятиях. От прикосновений куртка Наты скрипит. – Увидимся вечером. Смотри в окно, я помашу!

В универ добираться минут десять езды, я провожаю подругу до автобуса. Сама топаю пешком до Лесной улицы. Нужно немного потянуть время, чтобы сбить сонливость, не напороться на маму и прикинуть, как закончить подарок, на две трети готовый.

* * *

Первая половина дня – пик спокойствия на Лесной. Район молчит. Дальний двор многоэтажки занят мамочками с колясками. Бабушки охраняют балконы и подъезды, греясь под весенним солнцем. В садике идут занятия, в школе – уроки. По пустому скверу гуляет собачник из соседнего подъезда; с ветки на ветку прыгают воробьи и клюют набухающие почки деревьев. Сейчас здесь больше птиц, чем людей. Греть наш уголок начинает вечером, когда народ возвращается из города.

Я заглядываю в универсам, зная, что мама уже спит дома, ни с кем не здороваюсь, покупаю банку сгущёнки, шоколад, муку и яйца. Подумавав, набираю пакет яблок и медовых леденцов для мамы. Временами она заменяет ими сигареты. А никотином глушит мысли об алкоголе, к которому вновь пристраститься нельзя.

Кратчайшим путём до дома пересекаю сквер. Местами под деревьями ещё лежит талый снег, смешанный с грязью и мусором.

Подхожу к подъезду, скребу подошвы ботинок об решётку и открываю дверь ключами от домофона. На лифте поднимаюсь до восьмого этажа.

Ещё не зайдя в квартиру, различаю запах жареной картошки с фрикадельками. Сердце согревает и одновременно щемит: на кухне ждёт домашняя еда. Мама всегда готовит после работы, думая, что к обеду я вернусь голодная с универа. Она не догадывается о моих прогулах.

По правде, я с трудом доучиваюсь. С самого начала профессия юриста – призвание не для меня. Каждый семестр, год, оценка в зачётке – мечта мамы. Не моя. Мою сочли негодной ещё на этапе формирования, когда я хотела стать архитектором. Но это не ослабляет тягучее чувство вины перед мамой.

Сняв кроссовки, я заглядываю к ней в комнату – тихонько, чтобы не разбудить. Она спит на диване, свернувшись калачиком, обнимает подушку, как ребёнок любимую куклу. Лицо бледное, глаза утяжелены мешками, и волосы тусклые, будто от нехватки жизни теряют цвет. Мне больно смотреть на неё такую. Ночные смены вредят маме, а я позволяю себе прогуливать универ, ради оплаты которого она столько работает... Я ужасная дочь. Разочарование, ничтожество. В такие моменты гордость отступает, а совесть заставляет учиться – только поэтому мне как-то удалось дотерпеть до предпоследнего курса. Но на финишный рывок сил уже не хватает.

Закрываю дверь в комнату, крадусь на кухню и выклады-

ваю продукты на квадратный стол у окна. Отдельно высыпаю в конфетницу леденцы и яблоки в тарелку. Помыв руки, стыдливо заглядываю под крышку сковородки. Еда ещё тёплая, ароматная. Но желудок молчит.

Я не заслуживаю такой заботы. Разрушает одна только мысль, что маме приходится любить свою бестолковую дочь.

* * *

К часу дня кухня богата запахом вафель, испечённых в духовке. Остывшие коржи уже покрыты слоем растопленного шоколада, смазаны варёной сгущёнкой и соединены друг с другом. Верх украшен ореховой крошкой. Готовый торт я прячу в холодильник – к приходу Наты настоится и на вкус будет как сливочный пломбир.

Пока есть время, я на носочках иду через коридор и воротово посматриваю на дверь маминей спальни напротив моей комнаты. Одежда шуршит, голые пальцы ног касаются вздутого линолеума и оставляют влажный след. Я проскальзываю к себе за порог, прислушиваюсь... И выдыхаю: мама по-прежнему спит.

Коробка с расходниками для моделирования убрана в вещевой шкаф. Открываю его, раздвигаю вешалки и поднимаю облачко пыли, чихая в рукав. Переношу материалы на письменный стол. Раскладываю гуашь, остатки размягчённой полимерной глины, кисточки, проволочную нарезку, флакон с

эпоксидкой и прочие атрибуты для творчества. Последним достаю из коробки миниатюрный макет города размером с ладонь, частично застывший в смоле.

Это игрушечная реальность для Наты. Она протянута прямой дорогой от площади Мира до Лесной улицы и украшена домами в точности, какую возможно оформить вручную. По тротуарам идут пешеходы, за рулём автомобилей сидят замершие человечки... Все они – простые фигуры в виде кружочков и палочек. Деревья цветут и пушатся в ожидании весны, над ними парят облака и осыпают город блёстками, словно снежными хлопьями. Не хватает только кусочка неба и света. Без них карманный мирок сух, хмур и противоречит характеру Наты. Нужно добавить жизни. Солнца. Кислотности, как она любит.

Из заляпанного тряпичного свёртка я достаю баночку зелёной гуаши и в крышке смешиваю с белилами. Засажаю несколько минут, настаивая и сгущая краску, затем смачиваю кисточку, пробую цвет на бумаге и глине. Получается мятный оттенок – недостаточно яркий. Добавляю к нему жёлтого. Создаю лаймово-травяную смесь, довожу до салатного и проверяю на обломке застывшей эпоксидной смолы для проб и экспериментов. Подношу к лампе, рассматривая стёклышко, будто под микроскопом...

Да. Теперь он идеален, похож на сияние Наткиной куртки. Это солнечный луч, прожигающий мир. Вот чем я заполню верхушку города.

* * *

Завершающие штрихи кое-как успеваю доделать. Где-то подкрашиваю небо, имитируя цветные переливы. А где-то раскатываю очень тонкие полоски глины и прокладываю на манер перьевых облаков, послойно заливая смолой. Получается не слишком качественный, кисло-зелёный рассвет над городом.

К четырём часам, в очередной раз сетуя на нехватку времени и недосып, я складываю материалы в коробку. Полусырой карманный мир, обёрнутый для формы ацетатной лентой, уношу на кухню и прячу в подвесной буфет – под крышку хлебницы, чтобы ничего лишнего не попало сверху. И проверяю взглядом со стороны, шагнув немного назад.

– Кошмарное получилось небо... Подарок испорчен, – заверяю я и закрываю шкафчик.

Наскоро отмываюсь над раковиной от гуашевых клякс, бегу обратно в комнату и переодеваюсь в шорты и длинную футболку. Чистые, но мятые и местами дырявые. Покончив с марафетом, беру со стола очки, возвращаюсь на кухню и в ожидании сажусь у окна.

– Кошмарное... – бубню под нос, подперев щёку кулаком. – Так и назову: Кошмарье. Натке точно не понравится... Утром будет видно.

* * *

Лесная потихоньку оживает. Галдят дети и школьники, причитают бабушки во дворах, по телефону болтают соседи, высунувшись покурить на балконах.

Натка появляется в назначенное время, бодро улыбаясь мне издалека. Она идёт по дорожке через сквер, несёт на плечах рюкзак и, похоже, в противовес задетым чувствам осталась в своей броской кожанке. Подруга, как обещала, машет мне, хотя с такого расстояния вряд ли видит – просто знает, что я жду за окном.

Я поднимаюсь со стула, вытаскиваю из холодильника торт, предвкушая, как мы наедемся этой вкуснятины и забудем обо всех проблемах на свете. Ставлю греться электрический чайник, раскладываю на столе чашки и блюдца, чайные ложки. Пританцовывая, иду к входной двери и заранее встаю у трубки домофона. Но в какой-то момент понимаю: Натка задерживается. Никто не звонит.

Может, зашла так? Пропустили? Или бывший передумал и позвонил?

Смотрю в глазок, но никого не вижу. Она должна уже подниматься на лифте...

Не отходя, набираю Нате по телефону. Ту-у-уд. Ту-у-уд. Идут только гудки. На беззвучный поставила, не слышит? Пропала связь?

Отступаю, тороплюсь на кухню, смотрю в окно...

...Натка лежит под раскидистым чёрным деревом, сворачивается в клубок и защищается локтями от ударов неизвестных людей. Их трое, одеты одинаково в серые спортивные костюмы с капюшонами. Напавшие пинают мою подругу с такой силой, что я, кажется, слышу эти удары и толчки, будто получаю лично.

– Ната! – Я открываю окно и ору на всю Лесную: – Отвалите от неё, мудаки! Держись, я бегу!

Троица рывками наносит последние удары, будто душу выбивая из Натки, и сматывается.

Я хватаю телефон, второпях набираю «112», кладу смартфон под ухо, зажимая плечом; обуваюсь, не с первого раза попадаю в ботинки. Пытаюсь завязать шнурки, прыгая на одной ноге, и кричу маме:

– Мама, вставай! Нату избивают, быстрее-быстрее!

Слышится недовольный сонный голос из комнаты:

– Что? Какую... Дай поспать.

– Мама! Ната, на неё напали! Нужно помочь, она одна! Алло? Алло, скорая, полиция? Кто-нибудь, срочно на Лесную! Срочно!..

– Вик, ну кто будет нападать днём, ещё и у нас...

– ...ей нужна помощь! Что? Виктория... Да я в курсе, что ли, кто они?! Три человека! Пожалуйста, не медлите! Лесная, дом пять, девушка в зелёной куртке – Наталия Соколова! Я бегу к ней и жду вас там!

Не справившись со шнурками, я сгребая в охапку ключи

и смартфон и выбегаю из квартиры в домашней одежде.

Лифт торчит где-то между пятым и восьмым.

– Сука!

Я жму на кнопку вызова, будто это ускорит подъём кабины, пинаю двери коленом и бегом спускаюсь по лестнице. Спотыкаюсь на шнурках, ноги подворачиваются, чуть не скатываюсь вниз, но успеваю ухватиться и прыжками через ступеньки добираюсь до первого этажа. Задыхаюсь от волнения, всё нутро сжимается в густую точку напряжения.

Вылетаю из подъезда, теряю где-то на пороге очки, мчусь к подруге, кричу её имя. Одна из бабуль на детской площадке хватается тросточку и ковыляет в нашу сторону; остальные, кто поблизости, не приближаются.

Натка лежит на земле. Я плохо вижу, но различаю красные разводы на салатовом пятнышке. Слышу влажный кашель, хрипы, хруст – слышу так чётко и близко, будто подруга дышит мне в шею.

Добежав, я падаю на колени, раздрав кожу об брусчатку. Хватаю руку Наты, от страха забываю все слова и нависаю над ней, смотрю в глаза, уже набухающие от ударов. Она ещё дышит. Дышит! Моей смелости хватается, только чтобы повторять одно и то же:

– Дыши! Дыши! Дыши!

Скорая едет, Натка, держись!

Разглядев меня, она начинает кашлять кровью и плакать.

– Тори-и-и, – Ната пищит, от её жалобного голоса скру-

чивается душа. – Мне больно-но.

– Дыши, – прошу я и проглатываю слова, что безутешно рвутся наружу: «Солнце, я рядом, ничего не бойся! Держись! Поверни немного голову, плюй кровь на землю, не захлебнись!»

– Тори-и?.. – Глаза цвета моря заполняет шторм.

– Д-да, – выдавливаю я и ощущаю такую пронзительную дрожь в руках Натки, что перехватываю её страх на себя. Все ужасы, какие таятся за маской отваги. Всю боль, которую она перекрывает улыбкой.

– Ты... т-ты пахнешь вафлям-ми.

Как тебе хватает воли разговаривать в такой момент?..

Да где скорая, где хоть кто-нибудь, где все?!

– Мне х-холодно вниз-зу. Мне жжёт.

Я высвобождаю руку с мобильником, снова набираю «112» и слушаю гудки. Экран измазан алыми разводами.

– То-орь, ты пот-теряла очки? И двух месяцев не проносила... Не переживай. Подарю н-новые.

– Оператор «112», говорите, – в трубке звучит строгий женский голос.

– Помогите. – Я всхлипываю, глаза режет металлический запах и чувство беспомощности. – Пожалуйста. Лесная, дом пять. Она... Она...

– То-оря, я же г-говорила.

– Вы Виктория, верно? Не паникуйте. Скорая прибедет через две минуты. В каком состоянии девушка, что с ней?

Вы видите открытые раны? Кратко опишите характер повреждений.

– Кх-хкх, я же... Кхо-ох-хе.

– Она задыхается.

– Поставьте телефон на громкую связь и делайте, как я скажу. Слышите? Алло, Виктория?

– Я же гоховива, Тоф... Кх-х...

– Алло?

– Х-херновый фсевоня ден-нёк.

– Она... Её... Глаза застыли.

– Срочно делайте, как я говорю! Если на груди нет ранений, положите друг на друга ладони по центру и левее. Трижды давите, а затем... Около тридцати раз... Считайте вслух... Виктория?..

Я не чувствую своих рук, их отдавила вся тяжесть мира. Телефон выскальзывает из мокрых от крови пальцев, падает куда-то, я не слышу и не понимаю, куда – в ушах звенит. Где я, почему это происходит, как пошевелиться, что нужно делать?

Светлое небо наливается темнотой и скидывает груз бес-силія на мои плечи. Я валюсь на землю. Кажется, бьюсь головой. Но мне не больно. Не страшно. Мне никак.

Моё солнце улыбается глазами. Молчит, что непривычно: даже бывшего не вспоминает добрым словом. Не пререкается, не ворчит. Песчаные волосы измазаны грязью, – тебя окатили лужей по дороге ко мне? Куртка почему-то в бу-

ро-оранжевых пятнах, кожа синюшная. Натка, тебе плохо? Кто обидел? Идём домой, там ждёт десерт – твой любимый, с шоколадом, варёнкой и вафлями. Нет, ты не толстая, а я с удовольствием поправлюсь за компанию. Идём же. Почему мы лежим под деревом на мёрзлой земле?..

Лесной ветер воеет. Сверху нас укрывают решётчатые ветви, сыплется с тяжёлых облаков снег. Снежинки серебрятся, краснеют, мрачнеют, распадаются звёздами и ложатся на кожу. На моих щеках тают. На щеках Наты – остаются. Блестят разноцветными искрами, как взрывы салютов.

– Натка, помнишь? – Я поднимаю свинцовую руку и обнимаю подругу. – Ты хотела получить в подарок свой карманный мир. Помнишь? С видом на город, с деталями. Так вот, он сохнет на кухонной полке. Дождись утра, он затвердеет и будет готов. Я не успела в срок... И небо испортила... Но день рождения же завтра. Значит, нужно только дождаться утра. Всё наладится, правда? Я не хочу тебя потерять.

От моего тепла Натка тает, как льдинка. Растворяется. Исчезает. Она не отвечает, но сияет глазами. Так, что освещает весь мир.

Ты же слышишь, Нат? Ты же знаешь, что я без тебя не справлюсь. Ты же помнишь, как с первого курса мы обещали друг друга защищать, понимать и поддерживать.

Без тебя я сломаюсь. Разучусь дышать.

Не найду опору – такую, как ты.

Не уходи... Вернись. Тебя ждёт торт. Необыкновен-

ный рассвет над крохотным городом. Назови свой мирок как угодно – хоть именем бывшего, хоть Хренью и Хтонью, хоть Кошмарьем, как назвала я. В нём ты запрёшь свои страхи, комплексы и придурков, которые когда-либо обидели. Будешь править временем и материей. Будешь контролировать всех, кто пожелал тебе смерти.

А я... Не знаю, что и кто теперь я.

* * *

7 февраля

Я поднимаюсь на локтях, осматриваюсь пустым взглядом. Куртка подруги валяется под боком на запятнанной кровью снежной земле. Людей нет. Наты тоже... Обсидиановые деревья сквера, словно когти, тянутся ко мне, чтобы расцарапать тело; а темнота улицы будто бы обнимает, нежно гладит по спине и сжимает в попытке раздавить. Схлопнуть. Убить одним махом.

Голову пробивает чей-то неведомый голос.

– Посмотри назад, Тори.

Это не Ната. И не мама. Это некто, не поддающийся определению. Он сковывает холодом, окутывает жаром, заставляет подняться на колени, сжать пальцами собственное горло, но тут же отпустить. Возможно, это говорю я. Или та часть меня, которой не должно существовать.

– Посмотри в прошлое и найди ответ, – снова велит голос,

и я послушно поворачиваю голову в сторону дома.

Вижу открытую дверь подъезда, мерцающую лампу под козырьком. Знаю, что где-то на холодной решётке у входа лежат очки – мой якорь, мой ключ к тому времени, когда сияло солнце. Слышу, как по лестнице с восьмого этажа бежит мама, но замирает на пятом. Щёлкает сенсорная клавиатура её телефона – мать кому-то пишет. Я не знаю, кому.

Среди затемнённых окон многоэтажки светом озарено только одно: с кухни нашей квартиры. Рама похожа на бумажный лист, разрезанный занавеской. Оттуда доносится разговор.

– Давно ты принимала душ? Коса как веник и футболка несвежая.

– Тех ублюдков нашли?

– Нет, но... Правосудие как-нибудь восторжествует.

– Не в этой реальности, мам.

Я сжимаю в кулаке ворот кожанки Наты, поднимаюсь с земли. Будто спьяну, слегка пошатываюсь и плетусь к подъезду. Куртку волочу за собой, стараясь не прислушиваться к разговорам из окна.

– Почему ты всё время переделываешь эту штуку?

...Но как не прислушиваться, когда они говорят так громко и близко? Когда те же фразы я слово в слово повторяю губами?

– Хочу построить его идеальным. Настоящим. Неповторимым. Хочу, чтобы оно стало домом.

– Кому?

– Всему, чему не место здесь.

Агрессии. Страхам. Безнаказанности. Смерти и горю.

– А что потом, когда достроишь?

Оставлю себе.

– Но... Давай оставим подарок на могилке?

– Нет, мам. Кошмарье останется со мной.

– Дорогая, ну пожалуйста... Оно сводит с ума. Ты сводишь меня с ума! Я не понимаю, как тебе помочь!

– Никак! Натка погибла из-за меня! Меня. Я должна об этом помнить. Кошмарье останется со мной!

Я поднимаю сжатый с курткой кулак и резко опускаю, будто бью им по столу. Сверху доносится грохот – окно лопается, осколки летят вниз.

– И с тобой тоже, – одновременно договариваю я и фигура в окне.

Уцелевшие очки чуть-чуть разбиты в верхнем уголке одной линзы. Осторожно подбираю их, стряхиваю грязь с дужек, надеваю. Захожу в подъезд и, игнорируя лифт, поднимаюсь по лестнице.

На ступеньках лежит колючий бумажный клубок. Прохожу мимо, раздавливая его ботинком, волочусь на восьмой этаж. Вдоль выцветших от старости перил выжигаются буквы и собираются в слова, которые я тоже знаю наизусть.

«Уважаемая Лидия Витальевна...»

Поднимаюсь выше, глазу пальцами чёрные строки.

«Доводим до Вашего сведения...»

Наслаждаюсь долгожданным вердиктом и запечатываю текст в памяти навечно. Молчу, не пытаюсь перекричать досаду матери.

«В связи с академической неуспеваемостью и пропусками...»

Насыщаюсь смыслом изложенного – словами, убившими всё, что когда-то раздражало меня.

«Тихонова В. исключена из состава студентов Университета».

С уважением, дата, подпись ректора, печать.

Продолжая переставлять ноги, тащить за собой куртку, смотреть сквозь битые очки, я слышу бумажный хруст и треск. Скомканное письмо складывается в самолётик и летит навстречу огню.

– Ты не понимаешь меня, Вика! – Крик мамы затопляет подъезд и лишает воздуха. – Я вкалывала как проклятая, последние деньги считала! Чёртов коньяк принесла в ректорат!

Дёргано скрипит барабан зажигалки. На восьмом этаже пахнет табаком. Под дверью нашей квартиры возле резинового коврика стоит банка из-под горошка «Bonduelle», полунаполненная тёмной водой. На дне маринуются горка бычков и пепел.

– Уважаемая, бл*дь, Лидия Витальевна. – Теперь мама тихо посмеивается где-то в углу и затягивается сигаретой. – С прискорбием сообщаем, что вы облажались и не состоялись

как мать.

Удар – за порогом дома в стену летит табуретка и разлетается в щепки. Щёлк – откручивается металлическая крышка бутылки, падает на пол, подпрыгивает постукивая.

– Мне жаль, Вик. Но и ты пойми, сложно стрелять вхолостую и взамен получать только отдачу в плечо. С меня хватит.

Звучит отчаянный и оглушающий, как залп из пушки, плоток. Один. Второй. Десятый.

От этих обрывков и вздохов прошлого мои собственные мысли рвутся на тряпки. Сил едва хватает открыть незапертую дверь квартиры. Дойти до кухни, споткнувшись об мусорные мешки. Положить грязную куртку в раковину и замочить пятна крови средством для мытья посуды. Встать напротив буфета, за дверцей которого крепнет спрятанное Кошмарье. И смотреть, как по декоративным скосам стекла, краям и узорам стекает жёлто-зелёная кровь, переливается оттенками золота и летних лугов, капает на столешницу, плавит дерево, пахнет жжёным чувством вины.

– Не открывай, – просит внутренний голос.

– Открой, – в тот же миг умоляет он.

Я протягиваю руку и застываю. К пальцам ответно тянутся кислотные нити, касаются кожи и переползают ко мне, словно тонкие змейки. От пылающих прикосновений так горячо, что даже не больно, ощущения глохнут. Лишь мгновение чувствуется, как плоть тает заживо, а затем – пустота.

– Всё пройдёт на рассвете, – голос снова разрывает моё сознание.

Нет желания бояться. Пытаться понять. Бежать куда-то без оглядки, принимать случившееся.

Всё, что требовалось – смотреть в окно, Торь. Ждать до последнего. Запомнить их лица, одежду, движения. Спугнуть криками, прежде чем они подошли. Но ты не справилась. Облажалась. Испортила подарок подруге, в последний раз не угостила тортом. А заодно уничтожила мечту матери. Кошмарье – не карманный мирок, а реальный. Это твой разрушенный мир.

Зелёное варево поднимается к лицу и разъедает щёки. Я разворачиваюсь, пытаюсь уйти с кухни, но в дверном проёме встречаю заплаканную маму с комком газеты в ладонях. «Ка..к, ёл.а и глин..т.ей.. вс.ре..йте пра..дик н. площ.ди!» – что-то пытается мне сказать помятая бордовая надпись; но мать, прислонившись к стене, распаковывает этот свёрток, достаёт несколько тысячных купюр и машет мне ими.

– Марк поступит с тобой так же, как поступили со мной, – словами она бьёт в самое уязвимое место. – Бросит, когда ты доверишься.

В мои глаза заползает ядовитое пламя. Мгновение я ощущаю жжение, но затем – бесконечную боль. Ты была права, мам. Марк уже так со мной поступил.

Глава 4. Из живых восставшая

31 декабря, за 2 часа до...

Пульсирующая боль пожирает затылок и кусает шею. Мирады шипов дырявят мышцы рук и ног. Я разлепляю глаза, не сразу понимая, что лежу на лестничной площадке и с трудом шевелюсь. Шапка с помпоном, подарочный пакет, кашне и варежка разбросаны по бетонным ступенькам. Мой телефон валяется возле ноги – блестит паутинками трещин.

Соображая на автопилоте, я пытаюсь закричать, но из горла лениво выходит скулёж. Жуткая мигрень скручивает мозг. Я снова закрываю глаза, чтобы привыкнуть к ощущениям, почувствовать тело, и приоткрываю, увидев перед собой мокрый собачий нос.

– Она живая, Миндаль? – шёпотом спрашивает кто-то в стороне.

Лизь-лизь. Лизь. Гладкий язык лижет мне щёку. От слюней и пёсего запаха я морщусь, подтягиваю к лицу руки, пытаюсь закрыться и отмахнуться.

– Живая, вот те на. Девочка, из какой вы квартиры? Не припоминаю вас... Помощь нужна?

– М-м-м... – Хочу ответить: «Да».

Я не узнаю мужчину, который со мной говорит, но и опас-

ности в голосе не слышу. Скорее, удивление и тревогу. Ещё не взглянув на него, представляю жалостливого дедушку, который переживает за случайного человека, попавшего в беду.

– Не пьяная, кажись. Подняться можете?

– У-угум.

Палец. Кисть. Рука. Плечо. Моё тело будто заново вспоминает, как функционировать и делает первые успехи. Я сажусь, прислонившись к холодной стене. Острая боль дырявит затылок и давит на глаза.

– Ой, ё-ёшки, да у вас кровь. Не сильно текёт, но... Ох, ё-моё. Посидите минутку, принесу что-нибудь из дома. И скорую вызову! Миндалёк, посторожи, будь хорошим мальчиком. Вышли мы с тобой, однако, погулять перед праздничком, что ж такое делается...

Тёплый мохнатый бок подстраивается рядом. Пёс будто разрешает опереться и положить на него голову, как на подушку, что я сразу и делаю. Нос щекочут жёсткие ворсинки шерсти.

– Не надо скорую... Где мы? – хриплю я. Потерев лицо, открываю один глаз.

И правда – дедушка. В советском тулупе из овчины, шапке и повязанным под горлом шарфиком в клетку. Ковыляя с тростью по ступенькам вверх, старик поворачивается ко мне и смотрит, как на сумасшедшую.

– На Садовой, восемнадцатый дом, – негромко отвечает

он, будто поражённый моим вопросом. – Как это – не надо скорую? Видать, вы поскользнулись и ушиблись, а вдруг сломали себе что? С этими тусклыми лампами неудивительно – здесь чёрт ногу вывихнет! А врач посмотрит, девочка, сидите, я бегом.

И хромает дальше, по пути подбирая мои вещи.

– Садовая? – Но меня едва слышно, голос оседает, тело снедает дрожь.

Почему я здесь? Была же у матери! А потом... Ната?..

Что-то не так. Со мной явно что-то не так!

Дедушка бережно убирает мою шапку в пакет, отряхивает варежку, бухтит под нос и на последней ступеньке сворачивает к боковой квартире. Приставив к стене трость, а мои вещи на пол, достаёт из тулупа ключи и отпирает железную дверь. Даже без очков понимаю, что он живёт напротив моей съёмки, и что нахожусь я между пролётов четвёртого и пятого этажей.

Вспоминаю, как рухнула головой вниз. Слышу на задворках сознания скрежет чьего-то голоса: *«Ты должна вернуться домой»*. Различаю в нём себя, маму, Нату – всех и никого сразу. Кто-то хочет меня куда-то вернуть. Кто, куда, зачем? Я дома! Что происходит со мной с самого начала?!

– Уф-ф, ву, – бормочет Миндаль и жмётся ближе, защищая от нападок паники.

Большой пятнистый метис, ноги крепкие. Глаза палевые – смотрят с милосердием и сочувствием. Отзывчивый пёс,

как его хозяин-старик.

– Спасибо. – Глажу бархатные длинные ушки.

Скрывшись за дверью своей квартиры, дед обещает спуститься через несколько минут. По его словам, я помереть не успею, хотя этот пункт беспокоит меня уже меньше прочих. Перечеркнуть бы сегодняшний день с самого утра и никуда не идти.

Я опираюсь на собаку, снова благодарю за поддержку и трогаю свою шею. Влажно. Липко. На затылке, должно быть, красуется кровавый очаг. Но если, упав, я лишь отрубилась и смогла очнуться – значит, не всё так печально, как полагает сосед. Ещё живая. И обязательно справлюсь с недугами, атакующими меня толпой. Только допозду до съёмки, запрусь и пошлю к чёрту всех.

В пуховике, слегка подранном на подоле, я нахожу футляр с очками. Достаю, надеваю, присматриваюсь. Пёс так и мнётся под боком, не нарушая команды «Стоять». Сосед копошится в недрах своего жилья, из приоткрытой двери доносится недовольство:

– Куда телефон положил, старый дурак?

Телефон. Мой покоится совсем близко, нужно только потянуться и...

– Вуф, – собака будто советует не двигаться и ждать.

В голове гремит барабанный оркестр. Я дотрагиваюсь пальцами до мобильного, скребу ногтями, пододвигаю ближе и хватаю рукой. Экран разбит почти полностью, но ещё

отзывается. Светятся дата и время: 31 декабря 22:29. Новых звонков и сообщений нет. Ни от Марка, ни от мамы...

– Ни от Наты. Тори, она давно мертва, – отчитываю себя, сдувая с губ прилипшую шерстинку.

Я подтягиваю ноги к груди. Один сапог кажется тесным в голенище и давит. Пробую расстегнуть, но вдруг различаю что-то твёрдое, инородное, спрятанное под застёжкой.

– Какого?.. – Достаяю из сапога ножницы.

...А из кармана пуховика – леденцы.

К горлу подступает тошнота. Роняю всё на пол, звонким шумом пугая Миндаля.

– Вуф! – Он подпрыгивает, ёрзает и с надеждой поглядывает в сторону дома. – Вуф-вав! Р-р-рав!

– Прости меня, не ругайся! Я тоже ничего не понимаю. – Чешу пса за ухом, пытаюсь успокоить и его, и себя. Ножницы и конфеты зачем-то подбираю, распахивая по карманам, будто заметаю следы шума.

Здесь нельзя оставаться. Нужно спрятаться и больше не высовываться без нужды.

На прощание погладив скулящего Миндаля, я со второй попытки встаю, жмусь плечом к стене и волочусь к квартире. Исписанные маркером перила выглядят безобидно, но меня не покидает тревожное чувство, будто среди перманентных надписей опять вспыхнут призраки прошлого.

Ключ от дома припрятан под выступом в шкафчике со счётчиками, я беспрепятственно попадаю в квартиру. Под-

хватываю вещи, собранные соседом, и запираю за собой дверь, чтобы он не обнаружил побег.

Сползаю на пол. Всё валится из рук. Сердце бьётся неровно: то трясётся, то пропускает удар.

Взяв телефон, я снимаю блокировку; чёрный треснутый экран без картинки на рабочем столе прибавляет мрачности моему положению. Игр нет. Отсутствуют мобильные приложения. Почти всего – нет. Есть только значок с диалоговым окном, журнал вызовов, контакты и виджет пустых заметок. В галерее сохранены лишь две фотографии: фото Наты на паспорт, подошедшее для портрета на памятник; и старое фото мамы, где она сонная и тощая сидит за столом, держит меня годовалую на руках и кормит кашей из ложки, а в углу, за вазой с полевыми цветами, прячется откупоренная бутылка водки. Если спросить, была ли у кого-то из нас спокойная жизнь, я отвечу: была. Но вскоре она непоправимо разделилась надвое.

Я нажимаю на иконку сообщений и открываю переписку, листаю в начало. Первое уведомление датируется знойным июлем текущего года. Неизвестный человек пишет мне, не представившись, и зажигает надежду в момент отчаяния и сомнений в ценности собственной жизни.

«Привет. Позволь выразить сочувствие твоей утрате. Наталия была милой девочкой, мы издали знали друг друга. Со стороны казалось, она единственная, кому ты доверяешь... но сейчас... В общем, жизнь продолжается. Виновных

накажет судьба».

Последняя фраза терроризирует воспоминания: ранее я где-то слышала похожие слова. Такие же безысходные и невыполнимые.

Этот человек пишет ежедневно в течение недели, подбадривает и просит идти дальше, не оглядываясь, хотя совсем меня не знает. Он пробивает центр мишени – часть моей души, где не утихая пылает боль. Он будто следит за мной из тени. Ходит по моим шагам, держится рядом. Знает, как я терплю утрату, ссорюсь с мамой, запираю свою вину под городом Кошмарья, раз за разом заливаю горе эпоксидной смолой и проклиная правосудие, так и не восторжествовавшее. Он пишет, что бросить учёбу – лихой поворот, но, вероятно, необходимый для расцвета дня, когда всё наладится. Говорит, подобные испытания – последствия смерти подруги, которую я любила.

Спустя неделю односторонней переписки я решаюсь ответить. За долгие годы впервые поселяется мысль: потеря Наты – не конец, а новое начало. Толчок для перемен. Незвестный собеседник, зачем-то вышедший на анонимную связь, поддерживает эту идею, вдохновляет, питает верой в светлое будущее.

«Кто ты?» – я вступаю в диалог. Будоражит неизвестность. Человек по ту сторону экрана пишет нейтрально, без признаков пола, общими фразами обращаясь ко мне. Неясно: мужчина он или женщина. Непонятно, кто со мной гово-

рит.

«Ма...» – Ответ обрывается, но прилетает новое сообщение: «Марк».

«Меня зовут Тори. Будем знакомы?»

Следующие три месяца плодотворно влияют на моё восстановление. Я перестаю бояться и постепенно решаюсь смотреть в окно, не желая разбить стекло и сигануть с восьмого этажа, перестаю видеть жёлто-зелёное сияние под листьями Скверны.

Кошмарье, сотни раз переделанное, прячу в хлебнице в буфете и обещаю не открывать эту дверь.

Бросаю лепку безделушек – она затягивает в темноту, откуда не выбраться в одиночку. Ищу иные способы заработка, но не нахожу перспектив. Расходую копилку, собранную за студенческие годы. Планирую переезд. Последним рубежом трат становится припасённый конверт с тремя тысячами рублей. Я не смею коснуться его, храню как память о тех благополучных днях, которым не суждено повториться.

«Мне нужна помощь, – пишу я Марку незадолго до переезда. – Хочу съехать от мамы, ты знаешь почему. На Садовой есть простенькая квартира, но нет денег на съём. Выходить из дома я пробую, но получается жутко, паника давит и душист с каждой новой попыткой. Пожалуйста, помоги с арендой, если можешь. Я начну жить с чистого листа, заработаю и верну долг. Здесь нет моего дома. Чем дольше я тяну, тем хуже становится нам обеим».

Он молчит несколько дней, сводя с ума. Ответ присылает позже, и тон кажется резким, словно взмах топора:

«Я помогу при условии, что общение продолжится только в переписке. Никаких встреч и звонков. Переезжать будешь сама. Арендный договор оформлю на себя».

Расчёта на живое знакомство не было изначально. Договор как таковой не нужен на руках, пока нет денег продлевать аренду самой. Поэтому я соглашаюсь на условия, не веря удаче.

В середине октября переезжаю на Садовую, не попрощавшись с мамой лицом к лицу. Беру с собой рюкзак, пакет вещей и конверт. Перед уходом оставляю на столе кухни связку красных яблок и придавливаю сахарницей записку: «Мне помог Марк. Не ищи мой новый адрес, так будет лучше, мам. Когда освоюсь – свяжусь с тобой сама».

Наступают недели безуспешных поисков работы и экономии на еде. Вопросом, почему от сообщений Марка веет холодом и необъяснимой обидой, я задаюсь только через месяц после переезда. Он пишет не каждый день, как было раньше. Не подбадривает, отвечает сухо, грубовато или совсем игнорирует. Так длится до декабря, пока я не кричу о помощи, вымаливая занять денег на продукты.

Марк выручает и на этот раз. Без договорённости, встреч и предупреждения, несколько раз он подкладывает в почтовый ящик небольшую сумму, обернув пёстрыми страницами рекламных листовок. Две тысячи рублей, три, иногда пять.

«Не отказывайся, когда кто-то хочет подкинуть бабла», – я постоянно напоминаю себе слова Наты и слушаюсь совета. Принимаю помощь.

К середине месяца набираю вес, питаюсь чаще. Денег достаёт на заначку. Слеплённая той же надеждой, я предлагаю Марку нарушить условие и всё-таки однажды увидеться, познакомиться ближе...

Дура.

Это избивает наше общение роковыми пощёчинами. Марк давит меня, как мошку, месяцами сосущую кровь.

«Тори, – пишет он, – я устал притворяться. Аренда действует до десятого января, дальше придётся платить самой или вернуться к матери. Выброси меня из головы и прости».

Одним смс он возводит между нами железную стену и обнуляет полгода дружбы, – странной, но дружбы! – будто всё было игрой или выдумкой. Парадокс, Марк. Для меня ты стал кем-то больше, чем незнакомцем без лица и голоса. Стал человеком, способным понять без слов, когда остальные даже крика не слышат. Спас и вновь научил дышать.

Марк стал моей тенью.

От досады, до дрожи в руках, я сжимаю телефон и замахи-ваюсь, собираясь швырнуть в стену, но останавливаюсь. Мобильник ещё пригодится. Совесть давит на плечи, заставляя сутулиться: накопленную заначку я точно так же выбросила в окно, когда получила последнее сообщение.

Нельзя быть настолько бездумной в действиях, Торь. По-

ра брать ответственность за свою жизнь. Спаси хотя бы себя.
Для начала медленно посчитай до десяти.

Раз. Я глубоко вдыхаю.

Два. На обувную тумбу кладу очки и телефон.

Три. Выдыхаю. Поднимаюсь с пола, придерживаясь за дверную ручку.

Четыре. Сбрасываю пуховик и сапоги.

Пять. Включаю в ванной свет, бреду к раковине.

Шесть. Мочу полотенце под холодной водой, вытираю шею и смываю засохшие корочки крови.

Семь. Трогаю пальцами затылок и морщусь от колючей боли.

Восемь. Из марли, ватных дисков и хлоргексидина делаю компресс, заматываю голову, принимаю две таблетки нимесулида.

Девять. Слышу в прихожей вибрацию и уведомление входящего сообщения.

Десять. Вылетаю из ванной, споткнувшись на пороге, хватаю телефон и всматриваюсь в экран через полоски трещинок.

«Ты мне нужна, Тори. Пожалуйста, приди на площадь к новому году».

Отправитель: Марк. Время 23:06.

Я забываю о боли и треморе и радостно визжу, прощая всё, не злясь ни на что. Как есть, запрыгиваю в пуховик и вылетаю из дома, держа в руке телефон. В карманах лежат

ножницы, конфеты и футляр. Очки и подарок я забываю в прихожей.

* * *

31 декабря, за 1 час до...

Город в шаге от нового года. Разносятся праздничная музыка, хрустит снег, перемигиваются гирлянды, растянутые вдоль улиц. Суэта постепенно утихает, уступая место развлечениям: горожане, отчасти уже пьяные, стягиваются в центр – к площади Мира – в ожидании, когда часы пробьют двенадцать раз и обновится календарь. Без очков я воспринимаю людей спокойнее, их лица размыты.

Обезболивающее смягчает тяжесть в голове. Спрятавшись под фланелевый капюшон пуховика, я быстрым шагом, лишь бы не опоздать, иду до самой площади. Пять остановок. Всего пять. Внутренний голос молчит: что говорить? Я нужна Марку. Нужна! Только это имеет значение.

Через каждые десять метров, считая шаги, я проверяю телефон. Зарядка на исходе, но до полночи продержится. Новые сообщения не поступают, последним высвечивается мой ответ, напечатанный второпях: «Бгу! жди!»

Не доходя до Торговой площади, я притормаживаю ровно под золотистой вывеской закрытого кафе «Кофе, чай, два пирога». С тоской заглядываю в окна и шурюсь для чёткости. По тёмным стенам ползут незримые солнечные зайчики,

выпрыгивая из ловца на входе. В дальнем углу просматривается силуэт круглого столика, оттуда слышен стук ноготками, тянет ароматом черничного чая и кофе со сливками, по тарелке шкрябает десертная ложечка.

– Здесь мы завтракали вместе в последний раз, – шепчу я и кладу ладонь на стекло, покрытое ледяными узорами. – И с тех пор не могу тебя отпустить... Прости, что приходится выслушивать моё нытьё посмертно. Прости, что я не спасла твою жизнь, что облажалась с универом. И с подарком – прости... Обещаю, я научусь себя не винить. На могилу привезу в марте Кошмарье. Этот мир твой, а не мой...

Я замолкаю, жую губы, но нахожу смелость улыбнуться и договариваю последнее:

– Ты права была, Натк, тот день выдался хреновым. Дерьмовым. Все дни после – ещё хуже, но... Новый год, новая жизнь, утром всё пройдёт. Я тебя отпускаю. Мягких облаков, моё солнце. На той стороне салатový рассвет укажет тебе путь.

Отхожу назад и прячу пальцы в рукав. Снова смотрю за витрину нашей любимой кофейни. Пустые столы в темноте, стены, полы. И тихо.

Я отворачиваюсь и выдыхаю облачко пара.
Всё кончено. Нужно жить дальше.

* * *

Площадь мира пестрит праздничной атмосферой. Главная арка украшена еловыми ветками и огромной мерцающей надписью «С Новым годом!» Я подхожу ближе, замечаю развешанные игрушки в виде закупоренных колбочек с ватой внутри подобно снегу. В каждой ёмкости светятся спрятанные миниатюры подарков и ягод можжевельника.

Через арку, словно по течению, продвигается длинная очередь желающих попасть на площадь. Пингвиньим шагом я пробираюсь со всеми и подхожу к главному украшению города: ёлке высотой с пятиэтажный дом. За ней выстроен ряд киосков с горячей едой и напитками, а дальше – залит каток, где играет бодрая музыка, резвятся взрослые и дети.

Не представляю, как среди стольких людей найти одного человека, которого прежде не видела.

Я встаю под ёлку, пристраиваюсь под навесным пластиковым шаром размером с голову, тереблю уголки своего телефона. Прищуренным взглядом из-под капюшона всматриваюсь в каждого человека, проходящего мимо, но не различаю лиц. Бесперывные разговоры вокруг звучат как пчелиный рой. Постепенно я теряю фокус и утыкаюсь в экран мобильного.

«Стою у ёлки. Где тебя ждать?» – отправляю Марку. Мороз грызёт пальцы ног через сапоги и бесстыдно покусывает руки, с аппетитом чавкая.

Ответа нет.

Меня потряхивает от волнения, я снова всматриваюсь в

людей, но вижу разводы и мешанину из тел.

«Марк, где мы встретимся?»

На часах 23:51. Всего девять минут до нового года и мчатся они быстрее ветра на Лесной.

Радостные возгласы, смех и болтовня окружающих действуют на нервы. Я сжимаю и разжимаю футляр в кармане. По спине волнами накатывает то жар, то холод. Проявляется пот. Голову снова колотит, пока слабовато, но ощутимо; живот напряжён, под языком скапливается слюна.

«Марк!»

«Ты издеваешься?»

«Ответь!!!»

Оставив в покое футляр, из другого кармана я вытаскиваю пару конфет и закидываю под язык, чтобы сбить тошноту мятным вкусом. Фантики запикиваю обратно в упаковку; ощущаю ледяные лезвия ножниц, лежащих там же.

В 23:53 начинаю звонить. Линия ещё не обрывается, есть гудки. Город хочется закатать в снег, гирлянды на ёлке отрезать от электричества, не слышать разговоров и смеха, а Марка найти и...

– Уважаемые граждане, дорогие друзья! – Музыка замолкает, с новогодним поздравлением из колонок обращается глава государства. Его голос расходится эхом по площади Мира.

23:56. Ответа нет. Но где-то поблизости в унисон с моими гудками пищит чужой телефон – так визгливо, будто старый

будильник на батарейках.

Дзы-ы-ынь!

Ту-у-уд.

Я откидываю капюшон немного назад, выискивая взглядом источник звука. Дзы-ы-ынь! Ту-у-уд.

– Перемены обязательно придут в нашу жизнь, если каждый будет помнить о своих родителях, – говорит президент. – Беречь их и ценить время, проведённое рядом. Если будем больше понимать детей, их стремления, мечты...

23:57. Обхожу ёлку, с другой стороны встретив человека, что стоит спиной ко мне. Ростом чуть выше, тёмно-синяя куртка в пол, за высоким капюшоном видна седая макушка.

– Марк? Это ты?

– Поддерживать тех, кто рядом, кто нуждается в нашем участии и душевной щедрости. Пусть доверие и взаимопонимание всегда сопутствуют нам.

Дзы-ы-ынь! Человек опускает голову и прижимает к телу локти.

Туд-туд-туд-туд. Гудки прерываются – абонент вне зоны действия сети.

– Марк... – Я отключаю свой мобильник и кладу ладонь на плечо другу, собираясь развернуть к себе.

– Дорогие друзья! До наступления нового года остались секунды. Пришло время сказать самые заветные слова. Отпустить обиды и ошибки. Обнять.

– Прости, Тори, – тихо отвечает Марк и обнимает себя

одной рукой. Кожа пальцев обкусанная, под облезлыми ногтями забита грязь. Он поворачивается ко мне, с его губ срыгается глухой горестный всхлип. Тянет запахом тяжёлого запыя. В другой его руке покоится моё последнее вымученное Кошмарье, до миллиметра детализированное и залитое ярким рассветом.

Но человек, который принёс это уродство, уничтожает меня без лишних слов. Убивает за секунду до полуночи. Ментально раскручивает ржавую катушку паники и выбивает почву из-под ног. Ломаёт всё, что вдохновляло жить последние полгода.

Это не Марк.

А моя заплаканная мать.

* * *

31 декабря, секунды до...

– Успехов, благополучия! Мира и любви! Будьте счастливы, с праздником вас! С Новым годом!

– Ура-а-а!

Куранты раскатисто поют. Стартует отчёт на подходе очередного цикла жизни. Дон-н-н! Люди закладывают в снежных кочках блоки фейерверков, жгут бенгальские огни и чокаются бумажными стаканчиками с напитками разной крепости.

Дон-н-н!

Мои ноги подгибаются, как влажные древесные прутья. Я падаю на колени, пытаюсь дотянуться до ножниц в пуховике, но теряю чувствительность рук. Грудь. Живота.

Дон-н-н!

Нет... Не верю. Это не может быть правдой. Она не имела права так со мной поступить.

Дон-н-н!

Весь мир кажется несоизмеримо гигантским, а я – невидимой точкой в городе, где мне нет места. В метре напротив, – будто из другой части площади, – мама хлопает распахнутыми пьяными глазами и торопливо заталкивает Кошмарье в карман.

Дон-н-н!

Из рукавов её куртки ползут дымчатые зелёные нити, пеленают худые пальцы, талию, укутывают маму в кокон с ног до головы... И тянутся к моему онемевшему лицу.

Дон-н-н!

Свист! Залп! Взрыв. Площадь гремит фейерверками, мир блестит всецветными искрами. Но что-то идёт не так.

Дон-н-н!

Пахнет гарью. Между мной и мамой сияющим копьём пролетает что-то яркое, ослепляет и врезается в ёлку.

Дон-н-н!

– Ложись! – Мать кричит, но издалека – через пропасть, которую мы собственноручно вырыли между собой. Прыгает на меня, закрывает своим телом, опутанным зелёной пау-

тиной. Неразборчиво что-то говорит на ухо.

Дон-н-н!

– С-спокойно, Тори!

Свист! Бум! Визг! Дон-н-н! Над нашими головами горизонтально стреляют снаряды салютов и взрываются не в небе, а где-то рядом – на земле.

– Дыши и слушай меня. Ничего плохого не случится. Ничего. Плохого. Не. Случится!

Дон-н-н!

Площадь дрожит от топота бегущих прочь горожан.

Дон-н-н.

Я не разбираю всего, что происходит. Свистят фейерверки, люди толкают друг друга, вопят. Тело отказывается подчиняться – не могу пошевелиться. Только смотрю замершим взглядом в происходящее за маминым плечом и слушаю. Всё расплывается из-за густых полосок слёз.

– Тише, милая, я рядом, – шепчет мама, не поднимая седой макушки. – Выдох. Вдох. Нет ничего важнее тебя, слышишь? Ты меня слышишь?..

Свист. Взрыв. Свист-свист-свист! Залп. Ёлка трещит и дымится, разит запахом подпалённых пластмассовых украшений.

– Больные придурки, тут дети! Кто этот криворукий поджигатель, а? Где ты, тварь, покажись?!

– Бабушка, вы целы?

– Нарожают уродов, вашу мать!

Истошные вопли со всех сторон и прогорклый дым обвиняют моё горло, душат, давят, пытаются убить.

– Никого не слушай, слушай только меня, Тори. Ты не умираешь. Не умираешь! Считай до десяти и равномерно дыши, как я учила. Будь здесь, не отключайся! Я рядом. Я всегда была и буду рядом!

Моя голова болтается, словно тряпичный мячик на верёвке. Выключив чувства, смотрю туда, куда направлены глаза. Мама поднимает меня на руки и, прихрамывая, уносит подальше от охваченной пламенем ёлки; падает на колени, снова встаёт и идёт. За ней следует густой изумрудный шлейф – яркий, как пятно на солнце. Он топит снег, обжигает землю, проникает в трещинки плит и шипит. Будто живой.

– Не засыпай, Вика, держись, – запыхавшимся голосом просит мама. – Я очень виновата, но прошу! Не засыпай. На этот раз ты продержалась дольше, но можешь не проснуться, если сдашься. Не засыпай. Не спи! Вика! Тори!..

А если я ослушаюсь, мам?

Или тебе привычнее по-другому – Марк?..

Что, если я хочу остаться в неведении, не зная правда это или догадки, предательство или последствия твоей неадекватной заботы?

Что, если я хочу исправить сегодняшний день и заново начать? Не выходить из квартиры. Вместо подарка купить продуктов для торта. Никому не писать, не звонить. Не бежать. Простить себя за прошлое, и за то, кем мы стали. За-

быть эту холодную и жгучую боль.

Хаотичные фейерверки утихают. Людей неслышно. Сухая ёлка, сгоревшая голодным пожаром, трещит и дотлевет по центру площади Мира. Где-то рядом режут и мигают сирены экстренных служб.

Нет, мам. Так будет лучше: уснуть и спрятаться от тебя навсегда.

Глава 5. Кошмарье

3 января

– Ты впервые пригласила домой. Сбежать за вином? Напоминаю: я не женат, но серьёзных отношений не ищу. А ещё я жуткий гипертоник и причитаю на давление, тебе оно надо?

Звучит бархатный смех мужчины.

– Придержи свои неуместные шутки, Вить, я позвала по серьёзному делу. Заходи и закрой дверь. Комната – по коридору слева.

...

– А-а... Кхм. Вика просто спит?

– Не совсем. Так выглядит третий день непрерывного сна, откуда её силком не вытащить. Не спрашивай... Она страдала этим недугом в детстве.

Вздых. Тяжёлое длительное молчание.

– Как это случилось, Лид?

– Думаю... Многое сошлось в неподходящий момент. Мы тридцать первого встретились на площади, и там кто-то криво запустил салюты. Кучу людей обстреляли, уроды. Вика до встречи и так была взволнована и напугана, а тут совсем испугалась, впала в ступор, потом закрыла глаза... И рана эта непонятная на затылке откуда-то взялась, ума не приложу,

где дочь умудрилась расшибить голову.

Всхлип. Шуришит бумажная салфетка.

– Лида, мне... Мне очень жаль. Но почему она не в больнице?

– Не лезь в это, я знаю, что делаю. Врачам доверия нет. Из-за них я чуть не потеряла Вику при родах.

– И? Это же безумие, ты посмотри! Она будто в коме. Дышит вообще?

– Да. Слабо.

– Вика нуждается в лечении, а не домашнем уходе! Это же не простуда... Из-за врачебной ошибки ты готова пожизненно рисковать здоровьем ребёнка?

– Эта ошибка стоила мне трезвости, а ей – стабильного сна и вменяемости!.. Х-х-х... Фух. Не читай мне... нотации, Вить.

– Присядь-ка, пожалуйста. Присядь-присядь, не нервничай.

– Ах-га...

Резкий вдох. Глубокий выдох. Снова. И снова. И снова.

– Короче, такое мы уже переживали. Не раз. Вика засыпала максимум на неделю, что сейчас-то пойдёт не так? Справится. Но мне очень нужна твоя поддержка, Вить.

– Чем смогу – буду рад.

– Несколько ночей посмотришь за ней, пока работаю? Еда, вода, туалет – располагайся, будь как дома. Меняй Вике капельницы, а об остальном я сама позабочусь. И говори с

ней... Больше и чаще, что хочешь рассказывай, хоть трави анекдоты.

– Она разве слышит?

– Обрывками и путаясь во времени. Прошое, настоящее, будущее, реальность, сон – всё в кашу. Так она объясняла, когда просыпалась.

– Однако...

– Попробуй её вернуть, пожалуйста! Я тоже буду говорить, но мой голос Вика может не услышать. Мы... слегка повздорили до встречи и друг друга не поняли.

– Лида, я присмотрю, но настаиваю на вызове врача.

– Хорошо. Хорошо! Агх. Если она не проснётся до конца праздников, то приму меры.

– Другое дело. Договор.

– Можешь сейчас остаться? Мне пора на эту хренову работу.

– Да какие вопросы, конечно. Окно только приоткрою, свежий воздух будет на пользу.

– Спасибо за помощь, Вить. Переверни через час, чтобы не было пролежней, ладно? На бок.

– Сделаю.

– И ещё... Завязываем с инкассацией. Эти деньги мне уже ни к чему.

* * *

– Мама просила называть тебя Тори. Ну... Давай знакомиться? Я Виктор. Охранник универсама. Настя рассказала, что это ты тогда у входа стояла... Возможно, вспомнишь меня, я домой как раз шёл. Не подумал бы, что это была ты. Хм... Лидка... то есть, твоя мама – скрытный человек. Ничего без необходимости не говорит, даже про дочь.

...

– Та-а-ак, ну... Не знаю, что и сказать. Я сегодня на Торговом кепку купил, меховую такую, тёплую. Прокатился, болван, в час-пик. Душно в автобусах – ужас! Чуть не расплавился, форточку открыть пришлось. А люди-то, люди! Им только повод дай поругаться за копеечку. Откуда третьего числа столько народу в городе? Спали бы да отдохали. Как ты.

...

– Борись, Тори. Сосредоточься на конкретной зоне своего тела. Пальцы. Попробуй начать с пальцев, у тебя всё получится.

...

– Ты молодец! Мама обрадуется, сейчас ей наберу. Алло? Алло, Лидка? Вика дёрнула пальцем, прогресс! Что? Почему не звонить? Э-э... Как скажешь, ладно. Смс так смс.

...

– Странная она. До праздников была другим человеком, не таким вспыльчивым. Пила много, но будто бы меньше, чем сейчас... Нервы сдают? Понять, наверное, можно... То-

ри, давай ещё раз? Сосредоточься на указательном пальце. Шевельни им...

...

– Когда я шкетом был, отец бросал меня с высокого утёса в речку. Учил плавать. Я боялся водорослей, визжал, хлопал по воде руками, а как-то раз ногу схватила судорога и меня потянуло на дно. Батя стоял, свысока любовался и кричал: «Ну давай, сынок, покажи, чему научился! Булавка на плавках. Не медли, коль выжить хочешь!» Отцепить её я как-то успел, уколол мышцу. Помогло ли? Как видишь, живой сижу. Булавку теперь беру даже в бассейн, хех. Вообрази там, во сне, что у тебя тоже есть такая булавка. Или ущипни себя мысленно. Вдруг получится?

* * *

4 января

– Вика... Я конченная мать и не заслуживаю прощения. Письмо на твоём столе видишь? Не видишь, конечно же, за чем спрашиваю... Вик, это сраное письмо я настрочила за неделю до нового года, но так и не смогла тебе отдать. Прошу, вернись домой, прочитай сама. У меня нет смелости во всём признаться вслух.

...

– Опять давление?

– Есть такое, до чёртиков замучило.

– Тебе налить?

– Ну, давай. Накатим. За здоровье твоей дочери.

– Будем...

...

«...Продажа фейерверков приостановлена в связи с нарушением техники безопасности...»

– Будь добр, выруби радио. Там новости крутят – бесит. Не хочу это снова вспоминать.

...

– Сколько дней-то прошло?

– Пять. Шесть? Я сбилась со счёта.

– Рождество же скоро... Если Бог есть, сотворит ли он чудо?

– Не в этот раз, Вить. Бог уже подарил один шанс на спасение Вики. С чего бы помогать теперь?

* * *

5 января

– Какие сны ты видишь? А видишь ли вообще... Я искал информацию о твоей болезни... А болезнь ли это? Однозначного ответа нет, сплошные предположения. Пишут, что так выражается летаргия, кататония, шизофрения... Кома... Какой-то бардак в этом интернете. Пишут, что спящие, вроде тебя, уходят в реальность, ими же созданную. Там ли ты сейчас? Слышишь ли нас?.. Господи, всё это как-то... жутко.

И интересно. Расскажешь, что с тобой происходило? Ведь ты же проснёшься, не останешься там?..

* * *

6 января

– Какая сука эта Настя! Засекла и сдала меня директрисе, вот мразь! А могла бы забиться в долю и помалкивать, считая денежки не в кассу, а в карман. Но нет же! Сука толстожопая.

Грохот. Треск. Визг, перерастающий в рык.

...

– Вить, на работе? Отлично, не иди туда, возьми отгул и срочно шуруй ко мне. Есть очень плохие новости. Нет, Вика спит. Да насрать на магазин, бегом сюда!

...

– Я же просила завязать с инкассацией!

– Так я завязал, с поличным-то тебя поймали. Как так вышло?

– Откуда мне знать? Настя подняла записи с камер. Но мы же всё делали тихо, по слепым зонам ходили. Когда ты забрал последнюю нычку?

– Тридцать первого через аварийный выход вынес. Оставил в изогнутой трубе под козырьком, там нет камер и сухо. Потом забрал, отпросился пораньше домой... Погоди, Вика же меня видела в тот день. Она могла сдать?

– Сомневаюсь. Если и заметила, то не поняла.

– И... что теперь делать?

– В душе не знаю, Вить. Запасного плана мы не придумали.

...

– Послушай, я возьму вину на себя.

– Ты шутишь!.. Нет, не шутишь. Зачем? Это не твоя вина, мы оба – соучастники, оба тайком обчищали кассу.

– Мне нечего терять.

– Как нечего? А дочь!

– Уж поверь, она будет рада от меня избавиться, когда узнает, на что ушли эти деньги...

– На что? Что за ерунду ты несёшь?

– Вали отсюда, Вить. Я решу проблему, а ты позаботься о Вике, если меня загребут. Спасибо за помощь. Ты настоящий друг.

– Лида, какого ты творишь?

– Иди-иди. Не забудь свою кепку, на улице холодно.

Хлопок дверью. Щелчок, лязг ключей. Всклип, сорвавшийся с губ.

...

– Я верну тебя домой. Верну. Тебе некуда идти, Вик, понимаешь? Ты поймёшь. Потом точно поймёшь, что все мои действия, решения, да вся моя жизнь – ради тебя. Одной тебя.

...

– ...Кошмарье это грёбаное давно пора выкинуть на помойку. Зачем я на площадь его притащила? Знала же, сколько нашей крови оно высушило. Знала и всё равно на кой-то хрен принесла, а не выбросила!..

...

– Теперь только ты, Вик. И я.

Выдох, глоток, вдох.

– Ты... я... и бутылка. Кто-то из нашей троицы тебя точно добудится. Может, ты. Может, я. А может, бухло. Что думаешь?

Жгучий вкус спирта на губах.

– Курить, так и быть, не предлагаю. Мала ещё.

...

– Я в-в-в ужасе была! Когда у-узнала про беременность. Но сё равно оставила тебя. И я щаслива. Дочь родилась! Виктория! По-о-обеда над твоим никчёмным папашей. Чё?.. Да он бросил меня, Торь. Ха. Сразу. Никогда не угадаешь, как зов-вут отца. Хотя... Хы-хы-хы. Угадаешь. Потом оцнёшься – можем фписать его имя в свидетельстве а рож-ждении. Если хошь, конешн. Вряли захош. Неприятно будет видеть отчество – Марковна. Неприятно же? Ха! Потом-му его нет. Нака, ещё попей.

* * *

7 января

– Я же просила не звонить, а писать... Угу. Башка раскалывается. А? А, да. Она в норме, уже проснулась, но ещё за-
торможенная. Не волнуйся, Вить, помощь больше не потребу-
ется. Всё, извини, мне пора.

...

– Ты должна вернуться. Сейчас. Ко мне. Ты слышишь, я
знаю. Но ты не слушаешь, Вика.

...

– Да какого... Алло, кто это? Вить, ты? Кто-кто, говорите?
Не понимаю. Номер не определился, что вы хотели? Долгов
у меня нет, кредиты брать не буду. Я, вообще-то, пытаюсь
поспать! Пошли на хер, мошенники проклятые.

...

– Почему с тобой так сложно, Вик?.. Я же хотела помочь.
Сделала всё ради твоего благополучия... Притворялась, буд-
то мне не больно. А ты так легко отвернулась... Если бы
я могла всё исправить, то не случились бы Тихоновы. Не
страшно было бы тебя потерять, и не появилась бы эта сраная
зависимость. Всё наше дерьмо досталось бы кому-то друго-
му. Тяжело так жить, Вик. Сложно. Или водка меня убьёт.
Или ты, когда очнёшься. Знаешь, лучше не просыпайся. Не
приходи. Здесь нет твоего дома, сама же так решила.

* * *

8 января

– Всё, Виктория. Мы обречены. В том, что происходит, виновата ты. Уродилась упёртой, угробила нашу семью. Такова благодарность за помощь? Ты выбрала не меня, а человека, которого, сука, даже нет. Ненавижу. Не-на-ви-жу!

...

– Что-то не так. Со мной явно что-то не так...

...

– Я устала, Вик. Устала ещё в семнадцать лет. Сколько с тех пор прошло времени? Вообрази же наконец, как сильно я от нас устала.

* * *

9 января

– Раньше на десятый счёт ты просыпалась, а сейчас? Пальцем не шевельнёшь, будто мне назло. Специально спишь! Что Витя сделал такого, если его ты услышала? Что?!

...

– Я поняла. Поняла, Вик. Ты всегда меняла меня на кого-то получше. Сначала это была Наталия. Потом Марк. Теперь Виктор. Мама вообще существует в твоей вселенной? С кем угодно тебе комфортно, но не со мной. Зачем тогда стараться, ради кого? Ради дочери, которая навестила меня, как запасного – нет, последнего человека? Не отнекивайся, Вика. Каждое сообщение, что ты писала Марку, я видела. Зачитать то, что сорвало мне крышу? Нет-нет-нет, только по-

слушай: «Пожвони пжл мне нужен помщь»... Язык сломаешь, твою мать, но я догадливая, Вик. Знала, что приедешь. Бутербродов для тебя взяла, чай. Я скучала! Но ты явилась из-за Марка... Почему он заслужил твоего доверия, почему не я?

...

– Яблоками откупилась и записочкой, ха. В лицо ни слова не сказала. Зато написала *ему!* Щас... Где оно... Ага, вот: «Хочу съехать от мамы, ты знаешь почему». Не знаю, Вика! Сука, не знаю! Скажи, что я делала не так? Как провинилась, чем заслужила? Откуда мне знать, что дома плохо, если ты молчишь?

...

– Надо было избавиться от тебя ещё до рождения.

* * *

10 января

– Мы похожи, Тори. Тебе без Наталии не жилось, мне – без тебя. Марк стал мостом между нами. Хрупким и ненадёжным.

...

– Уже десятое? Как летит время... Дождись, Вик, скоро вернусь. Сдам квартиру хозяину. Надо убедиться, что ты не расхреначила чужую собственность, пока от меня пряталась.

...

– Вот, твои вещи. Пустоватенько... Очки пришлось выбросить, случайно их раздавила. А за шарфик спасибо, приятно. Я конверт нашла с деньгами, купила нам гостинцев. Налить?

...

– Меня даже не берёт, но ещё бутылка – и на хрен откинуть.

...

– Вика, прости, я конченная мать!

...

– Ну-ка... Неужели не реагируешь? А если по затылку... М-м-м? Так, может, ты уже – того? Вроде нет, кровь свежая... Ладно. Ладно. Совсем недавно я купила отменный кухонный нож, сейчас покажу.

...

– Прости меня, Тори! Я хотела помочь! Господи, как много крови! Мама не сделает этого, Тори. Сколько пыталась – и снова не сможет!

...

– Витя! Витя, да возьми же трубку, член собачий, алло!

...

– Я... Так больше не могу.

...

– Это я всё разрушила, Вик, не ты. Когда я пытаюсь признаться, тогда из меня выходит желчь. Ну, такая же ядовитая и мерзкая, как твоё Кошмарье, чтоб оно сгорело вместе

с этим городом и могилой Наталии. Вот, видишь! Совсем не то я хотела сказать.

...

– Если бы я не... Не ошиблась в тот день и написала бы тебе со своего номера... Если бы не перепутала симки... Ты бы не пришла на площадь. Мы бы поговорили в другой раз и снова стали мамой и дочкой.

...

– Это... письмо для тебя, дорогая. Пожалуйста, прости меня за всё.

Всхлип. Бьётся стекло. Что-то тяжёлое падает на пол.

Хрипы. Последний вздох.

Тишина.

* * *

Снег почти исчез, редкими талыми полосками высыхая вдоль улиц. Утренние сумерки заползают за горизонт, приглашая в небо весенний рассвет. В это время центральный район города непривычно пуст. Никто без веской причины не покидает дом в такую рань, только птицы бодро клокочут, заполняя тишину, да единственный автобус гудит в пути по прямой дороге в сторону центра.

Но не спится мне. И незнакомцу в поношенном чёрном пальто. Как два безумца, одни во всём городе, мы куда-то едем в автобусе, полном свободных мест, и почему-то сидим

рядом. Я ючусь возле прохода, а он справа – у окна, любителю видом пустых улиц.

– Остановка: Торговый проспект. Конечная, – сообщает звонкий женский голос из динамиков. – Уважаемые пассажиры, при выходе из салона не забывайте свои вещи.

Я роняю взгляд, ничего не заметив в руках. На носу нет очков, карманы ветровки пусты. Забывать в салоне нечего.

Продолжая смотреть в окно, мужчина пространно говорит:

– Дальше автобус не едет. Это судьба. Давно хотел забрать в магазин шапок и обновить кепку, моя совсем уже стёрлась. А куда следуете вы?

Я отвечаю открыто и с лёгкостью, будто давно его знаю, но отчего-то не помню.

– Куда-нибудь вдаль, за пределы города. Туда, куда укажет солнце.

Мужчина поворачивается и улыбается серыми глазами.

– Сегодня обещают необыкновенный рассвет, – говорит он и поправляет козырёк своей кепки. – Пусть солнце приведёт вас в спокойное для души место.

Я улыбаюсь в ответ и поднимаюсь на выход.

Автобус плавно встаёт на Торговом. С шипением двери распахиваются. Шагнув вперёд, я выбираюсь на улицу и вдыхаю запах утра, похожий на следы дождя на асфальте. Оглядываюсь. Позади по краям дороги вытягиваются улицы, которые я не помню. Дома, их номера, названия остановок, за-

кусочные и магазины... Всё это мне неизвестно, словно так было всегда.

В салоне никого нет. Мужчина в кепке исчез, как одеяло снега, когда-то покрывавшее город. Наверное, незнакомец уже умчал в магазин. На стекле окна, перед которым он сидел в автобусе, нацарапана кривая надпись: «Ухóди». Восприняв это как знак, я киваю, отворачиваюсь и делаю шаг.

Первый. Второй. Третий, четвёртый. Впереди виднеется огромная и пустая площадь, но мне нужно пройти дальше, за неё, в другой конец города. С каждым шагом я забываю всё, что осталось позади.

Брусчатку греют лучи утреннего солнца. По ногам, по следам талого снега, по прозрачным лужам и ещё мелким травинкам льётся свет. Он насыщается оттенком. Сначала луч белый. Затем янтарный. А потом – изумрудный, как цвет летних лугов.

Шаг шестой и седьмой. Восьмой и девятый. На десятый я оборачиваюсь, вижу каждую улочку, лежащую по бокам от протянутой дороги, но не узнаю этот город. И от неведения ощущаю свободу.

– Всё пройдёт на рассвете, – говорю вслух, улыбаюсь и ступаю дальше, за пределы, в никуда, в никогда, в никогда. Туда, куда ведёт меня солнце.

* * *

«Седьмое февраля. Я бы предпочла считать эту дату твоим днём рождения, чем роковым рубежом, когда наша связь оборвалась.

Ты была в тот день так зла и убита горем. Замкнулась, не разговаривала со мной, лишь обменивалась дежурными фразами. Плохо ела, мало пила, дёргалась от любого звука, не спала. Последний раз выходила из дома на похороны Наташи, а с тех пор ночевала у окна на кухне и бездумно перedelывала подарок, который уже был бесполезен. Ты ненавидела весь город, мир... И почему-то меня.

У тебя сгорбилась полумесяцем спина. Нечёсаная коса совсем запуталась, одежда изнасилась и пропахла кислым по́том. Ради твоего праздника я взяла отгул и бодрствовала дольше суток, чтобы пересилить дневной режим сна. Упаковывала для тебя коробку с глиной, гуашью, смолой и инструментами. Мне думалось, тройной запас материалов порадует хотя бы на миг.

Но я опустила рычаг, на который нельзя было даже смотреть.

Ты погрузилась в создание Кошмарья. Заперла в нём всё, что обещала. Чем дольше умирала заживо, сидя за работой, тем дальше уходила от меня. В итоге эта безделушка заполонила квартиру и свела нас обоих с ума.

Вика, тебя терзала такая боль от потери Наташи, что мои попытки накормить ужжином с ложки обрывались твоими слезами и паникой. Через пару лет подобной жизни я

начала бояться к тебе подходить!

Вскоре вернулись приступы длительного сна... Ты засыпала на сутки, как в детстве. Я переживала, что в таком критическом состоянии ты уснёшь навсегда.

Чтобы тебя спасти, пришлось рискнуть, и это решение – моя главная ошибка.

Ты понимаешь, что случилось дальше. Кто-то написал тебе сообщение, не требуя ответа. Этот человек хотел поддержать и помочь, сделать как лучше, разделить твою боль...

А потом я увлеклась, Вик. Глядя, как ты вновь становишься счастливой, я так увлеклась притворством, что захотела стереть с себя лицо и натянуть маску другого человека, которому ты доверяла.

«Он хороший друг, мам», – так ты отзывалась о Марке незадолго до переезда. В такие моменты я ждала о своём существовании больше чем когда-либо.

На вопрос «Кто ты?» мне стоило честно ответить: «Мама». Но представив, как сильно ты возненавидишь мать за правду, я соврала.

Милая, поверь, мама ненавидит себя гораздо сильнее. Сильнее, чем любит тебя.

Всё стало хуже, когда ты покинула дом. В одиночестве я беспробудно зашла, хотя всячески пыталась бросить. Горько плакала, ведь ты обо мне не вспоминала. Я по-глупому завидовала, не представляя, что какой-то пацан может

стать дороже семьи.

И я совсем развалилась, когда финансово перестала тянуть оплату аренды на Садовой. Центр города всё-таки... С моим заработком долго там не прожить.

Вершиной стали твои смски Марку с просьбами о помощи. Меня ломало от представления, что ты там одна, голодная и напуганная, заперта в клетке собственных страхов.

Поэтому я начала воровать деньги из кассы универсама – понемногу, обходя камеры, через подсобку, чёрный ход и в доле с охранником – и подкладывать в твой почтовый ящик, Вик. – и подкладывать в твой почтовый ящик, Вик.

Но так жить невозможно. Я устала притворяться чужим человеком! Это нужно прекращать. Срочно. Бесповоротно.

Худшее, с чем придётся мириться: избавившись от Марка, я снова потеряю дочь. Вспомню, как не нужна тебе, Вика. Буду пить и глушить эту тупую боль, даже понимая, что ничего тебя не вернёт, хоть насильно тащи за уши от Садовой на Лесную. И всё же я остановлю этот абсурд. Сегодня. Пока не наступил новый год.

Давай с января начнём новую жизнь? Без обмана и обид. Уедем из города в местечко получше, где нет спиленных сосен за окном и умирающих дворов. Начнём заново – без Кошмарья и Наты, с которых всё завертелось, и без Марка, которым закончилось.

Давай?

Когда будешь готова поговорить – не отвечай по телефону, приходи домой. Я буду ждать.

Люблю тебя больше жизни, Тори. Так, как ненавижу себя.

Твоя мама».